

Удар змеи

Автор:

[Александр Прозоров](#)

Удар змеи

Александр Дмитриевич Прозоров

Князь #8

На Русь пришел 1560 год от Рождества Христова. Государь Иоанн, еще не получивший прозвища Грозного, отправляет князя Сакульского в Крым – выкупить пленников, попавших в руки татар, и втайне разведать пути наступления на Крым для будущей войны против терзающих Русь грабителей-работоторговцев. Эта разведка позволит Русскому царству добиться одной из самых сокрушительных побед над своими врагами. Но Андрей Зверев даже близко не догадывается, что это будет за победа.

Русской армии она принесет славу, князю Сакульскому – обиду, Михайло Воротынскому, сосланному в Белоозеро, – свободу, а первому русскому царю – пятно кровавого диктатора.

Александр Прозоров

Удар змеи

Свеча Велеса

Год 7069 от сотворения мира[1 - 1560 от Рождества Христова.] оказался для Руси тяжким и долгим. Зима закончилась пожарами – огонь начисто сожрал Себеж,

Псковский посад, монастырь Иоанна Милостивого и несколько церквей. В середине лета полыхнула и сама Москва – огонь истребил половину города, вынудив даже царский двор, несмотря на тяжелую болезнь государыни Анастасии, бежать в Коломенское. Там она, любимая мужем и людьми, и преставилась в самом начале августа.

Плач по совсем еще молодой царице стоял вселенский – тихая и скромная, племянница боярина Ивана Кошкина тем не менее заслужила доброе имя и уважение в русском народе. Государь же, от горя почти лишившийся рассудка, не мог ни есть, ни пить, и даже ноги отказывались ему служить – на похоронах его буквально несли вслед за гробом, удерживая под плечи, младший брат Юрий^{[2} – Младший брат Иоанна IV был глухонемым от рождения и, вероятно, слабоумным, а потому следа в истории практически не оставил.] и князь Владимир Старицкий.

Разумеется, по поводу безвременной кончины было проведено тщательное расследование. Андрей Зверев ничуть не удивился, когда выяснилось, что причиной смерти стало колдовство, наведенное Алексеем Адашевым и попом Сильвестром, – он сам же и предупреждал государя о злом чародействе еще семь лет тому назад. Не удивило Зверева и то, что царь Иоанн, святоша и чистоплюй, наказывать убийц не стал, лишь отослал их из Москвы. Попа – в Кирилло-Белозерский монастырь, секретаря – воеводой в древний Юрьев.

Вместе с сороковинами умершей царицы в Москву пробралась лихоманка, которая почти до Рождества собирала с города свою жестокую дань – пусть и не столь тяжкую, как при «черном море»,^{[3} – Черный мор? – это чума.] но все равно заметную и горестную. Пытаясь избавиться от напасти, горожане отстроили на Наливках новый храм Пресвятой Богородицы – срубив его всего за три дня – и прошли вокруг Москвы крестным ходом.

Разумеется, за всеми этими напастями на Руси почти все успели забыть о небольшой порубежной стычке, случившейся на далеком Балтийском побережье, и о героях того короткого победоносного похода. Что князю было только на руку.

Правда, князь Андрей Васильевич Сакульский в этих событиях никак не участвовал. Еще до начала Ливонской войны он, скупно обласканный Иоанном, отъехал в свое имение – отдыхать, следить за хозяйством, радоваться подрастающим детишкам и пребывать с супругой Полиной в согласии и радости.

Награды за свой крымский набег Андрей Зверев не ждал. Такие уж сложились у него отношения с нынешним властителем Руси, что, коли тот его в поруб не посадил – и за то спасибо.

О московских бедах князь узнавал из редких писем своего побратима дьяка Ивана Кошкина. Впрочем, не только московских, но и своих собственных – в последней грамоте боярин Иван Юрьевич отписал, что лихоманка заглянула в столичный дворец Сакульских и выкосила там всю прислугу. На хозяйстве остались лишь немощный подворник да пара цепных псов.

Гонец оставил письмо, пообедал от души, с благодарностью спрятал в кушак алтын, но от бани и ночлега отказался, еще засветло умчавшись дальше в Корелу с грамотами к воеводе. Андрей же остался размышлять над неприятным известием.

– Отчего грустишь, батюшка? – погладила его по голове Полина. – Нечто известия недобрые получил?

Зверев молча передал жене послание, сам отошел к окну, выглянул наружу через светлый треугольник небольшого витража на левой створке.

Слюда, столь обыденная в новгородских домах, вызывала у него ощущение слепоты. Ладно летом, когда тепло – окна постоянно нараспашку можно держать. А зимой? Что за жизнь, коли из светелки наружу не выглянуть, если шум какой случится, крики, али просто любопытство одолеет? Но стекло больших ни на Руси, ни в Европе было не сыскать. Даже знаменитые венецианские и стамбульские мастера умели выдувать лишь маленькие пластинки. С две-три ладони, не больше. Да и те норовили окрасить под самоцветы. И стоили эти стекляшки немногим меньше драгоценных камней. Пришлось князю обойтись лишь тремя стеклами, вставленными в окна в обрамлении красно-синих витражей. «Глазки» для обзора ценою почти в полста полновесных новгородских рублей получили горница, где он занимался бумагами, спальня и трапезная. Остальные окна остались слюдяными.

– О Господи, – громко охнула княгиня и торопливо осенила себя знамением, – лихоманка! Надобно молебен немедля заказать. А то как бы до нас не добралась подлая старуха.

– Лихоманка по морозу не ходит, – повернулся от окна Зверев. – В холода она спит.

– Как же ш-ш спит, милый? – вскинула грамоту Полина. – Вот же она, поветрие в Москве!

– Так то в Москве...

Андрей испытывал очень странное ощущение. С одной стороны, память подсказывала, что все побасенки про лихоманку – глупость и суеверия, и на самом деле болезни вызываются вирусами и микробами. Не иначе, забрел в Москву вместе с южным купцом новый штамм гриппа и лютует на непривычном к экзотике населении. С другой стороны – волхв Лютобор, помнится, сказывал про живущую на болотах уродливую старуху Лихоманку, что выбирается иногда на сушу да бродит по городам и весям, прихватывая грязными узловатыми лапами жизни попавшихся на пути людишек. И лучшая защита от старухи этой – обычная борозда, но пропаханная сохой, в которую только женщины впряжены и которой женщина управляет. С третьей, князь успел привыкнуть к общему убеждению, что служба в храме, искренняя молитва да колокольный звон – надежнейшая защита от любой беды. И убеждение это потихоньку просачивалось в его разум.

Эти три его знания то противоречили друг другу, то переплетались и друг друга подкрепляли. Так, по учению волхва, из замерзшего болота лихоманка вылезти не способна, ибо замурована ледяным панцирем; согласно инфекционной теории, на морозе микробы дохли – а искренняя молитва путем самогипноза укрепляла иммунитет верующего. Но в то же время лихоманка забраться зимой в город не могла, а вот вирус – запросто. Очень уж много там теплых домов, слишком тесно общаются люди. Да еще и навоз – неизменный спутник любого скакуна, буренки или мелкой овцы, лежащий везде и всюду толстым или тонким слоем, – отнюдь не улучшал атмосферы в столице. Н-но – где город, там и суета, корысть, ложь, блуд, гордыня... Стало быть, лихоманка и карой могла оказаться за грехи людские. Запросто! От грехов же ничем, кроме молитвы, не откупишься...

– Что ты так на меня смотришь? – забеспокоилась женщина, тронув пальцами кружевной, с жемчужной понизью чепец, стряхнув с сарафана несуществующую ворсинку.

За минувшие десять лет княгиня заметно поправилась, отчего стала только краше. Сейчас Андрей не мог понять, отчего перед свадьбой считал Полину толстой? Она была и оставалась настоящей красивой женщиной. Женщиной в теле, сильной, здоровой и соблазнительной. Есть кого обнять, что поцеловать, к чему прижаться. Не дохлятик холерный с костями наружу, который того гляди сломается от любого прикосновения, а настоящая красавица. Та, что и любовью одарит, и ребенка здорового выносит.

- Ой, порвалось! - заметила что-то на боку княгиня. - Я сейчас Пелагею...

- Конечно, закажи. За здоровье. Свое, детей и всех прочих.

- А ты, батюшка? - не поняла Полина.

- Я же упомянул: «и всех прочих».

- Какой же ты «прочий», батюшка наш, отец родной?! - всплеснула жена розовыми ручками.

- Не отец я тебе, хорошая моя, а муж законный, - с усмешкой поправил князь. - Нечто забыла?

- Пост сегодня, Андрюша... - прочитав что-то в его глазах, напомнила женщина. - Среда.

- Мужу перечить - грех, - с легкостью парировал Зверев, оттолкнувшись от подоконника и подкрадываясь к супруге. - Смирение есть твой удел, смирение и покорность. Али забыла, чему в монастыре учили?

- Но ведь пост, милый... - понизила голос Полина и почему-то облизнула губы.

- Как же я люблю тебя, моя радость... - Князь взял жену за руку, притянул к себе, но прикоснуться к влажным губам так и не успел: в светелку внезапно влетела русоволосая семилетняя девочка в сатиновой исподней рубахе и, обежав взрослых, схватила Андрея за ремень:

- Папа, она первая начала!

- Неправда! - Второй девочке было всего пять, и ростом она уступала сестре на целую голову. - Это ты моего зайку схватила!

- Он не твой!

- Нет, мой!

- Нет, мой!

- Девочки, нельзя так себя вести! - отступив от жены, грозно рыкнул Зверев. - Вы же сестры! Вы друг другу помогать должны, защищать! А вы вечно сцепитесь норовите, что пауки в банке!

- Она моего зайку схватила, папа!

- Он мой!! - в один голос закричали девочки.

- Почто простоволосые по дому носитесь?! - заметила совсем другое Полина. - Как же вам не совестно, бесстыжие, прилюдно и без платка даже?

- Да ладно, - отмахнулся на такой пустой упрек Андрей. - Заяц-то ваш где?

Девочки примолкли. Похоже, в пылу ссоры столь ценный для обеих предмет оказался утерян.

- Ночь уж за окном, а вы носитесь как угорелые, - пользуясь наступившей паузой, укорила дочек Полина. - Ну-ка в опочивальню ступайте!

В дверях наконец показалась запыхавшаяся нянька. Из-под съехавшего набок платка Устины выбивались седые волосы, вязаная кофта расстегнулась на две верхние пуговицы. Переведя дух, подворница поклонилась:

- Прости, матушка, не уследила...

- Спать, спать пора, - похлопала себя по ноге Полина. - Ну-ка, пойдем. Пойдем, пойдем. Арина, Пребрана, со мной пошли!

– Ну, ма-ама-а... – Девочки набычились и недовольно выпятили губы, став неотличимыми, словно близнецы.

– Арина, отпуская отца, ему на грамоту ответ отписать надобно. Пребрана, тоже пожелай отцу спокойной ночи.

– Доброй ночи, батюшка, – соизволила кивнуть младшая и отступила к двери.

– Доброй ночи, батюшка, – отпустила ремень Арина.

– Спокойной ночи, кровинушки мои, – пригладил ей голову Андрей.

– Погоди, Ермолай подрастет – втроем прибегать начнут, – улыбнулась жена.

– Ну и пускай, – согласился Зверев. – Кстати, Полина. После полуночи настанет уже четверг.

Княгиня покраснела и, торопливо обняв детей, повела их в спальни.

Андрей снова повернулся к окну – но там, за витражными стеклышками, за прошедшие минуты успела сгуститься непроглядная темнота. Князь вздохнул, закрыл для сбережения тепла внутренние рамы, задернул шторы, прихватил с пюпитра для чтения книг масляную лампу, переставил на стол. Снова развернул грамоту, перечитал. Задумчиво расчесал пятерней короткую аккуратную бородку.

В комнате прямо пахло воском, сочной сосновой смолой и легким дымком. Было тепло, покойно и тихо. Разве только в печи слабо похрустывали в топке дрова и тоскливо шуршал снежной крупкой ветер под окном – но это лишь добавляло светелке уюта. Розовое пятно света выхватывало из небытия грубо сбитый стол, французское резное бюро у стены и густой персидский ковер. Бревенчатые стены тонули в сумраке, а за приоткрытой дверью начинался и вовсе непроглядный мрак. Но там, в многочисленных горницах его дворца, отходили ко сну дети, хлопотали на кухне стряпухи, томился в подполе ставленный мед, ждала общего ужина трапезная. Там, в опочивальне, на обширной глубокой перине после полуночи он утонет в объятиях ласковой любимой жены, чтобы поутру его разбудили веселые голоса детей.

Здесь, в спрятанном среди леса селении, ему было хорошо. Так хорошо, как никогда не бывало ни в Москве, ни в Великих Луках, ни даже дома, в далеком двадцать первом веке. И уезжать, как бы ни призывали к этому неотложные дела, князю никуда не хотелось.

– И почему они вдруг стали неотложными? – пожал плечами князь Андрей Васильевич, урожденный боярин Лисьин, князь Сакульский по праву владения. – Отсель до Москвы, как ни крути, полмесяца пути. Коли не гнать, так и вовсе месяц выйдет. Плюс гонец на почтовых неделю скакал. Если не управился ярыга, на подворье все уже разорено, пусто, разворовано, сызнова обустроиваться придется. А управился – так и хлопотать ни к чему. За два-три лишних месяца всяко ничего не изменится.

Придя к такому выводу, он с облегчением скатал грамоту обратно в свиток, дотянулся до бюро и сунул письмо в средний ящик. Мысленно он уже был в спальне, под одеялом, на пахнущих горькой полынью простынях. И совершенно точно знал, что этой зимой никуда из своего имения не поедет.

Зима на Руси – время веселое и радостное. Святки-колядки, Крещение и Сретение, Рождество и Васильевы гуляния, введение и святая Катерина-санница, солнцеворот и Масленица. Зима – это снежные крепости и ледяные горки, это пиры и гуляния. Не то чтобы у крестьян не находилось дел по хозяйству. За зиму и пахотный инструмент следует отремонтировать, и постройки, коли надобны, поставить, и упряжи-телеги в порядок привести. Но, как с хозяйством ни хлопочи – все едино такого труда, как при пахоте, сенокосах, жатвах и прочих летних заботах, оно не требует. Потому-то на зиму и откладываются на Руси и праздники, и веселье, и пьянки-гулянки. Да и в ратные походы ходить заведено исстари русскими людьми именно в зимние месяцы.

Правда, военных походов Андрей затевать не собирался – подобного «развлечения» ему и так хватало с избытком. Потому рогатине и сабле он ныне предпочитал длинный обрывистый склон возле мельницы, с которого удавалось разогнаться до такой скорости, что по льду заводи сани неслись на добрых триста шагов, аж за причал с вытащенными на пологий склон двумя крепкими мореходными ушкуями.

Рядом катались румяные деревенские девки и парни, весело хохотали дети. Няньки укоризненно покачивали головой – но Андрей и сам не чурался близости

со смердами и холопами, и детей к тому же приучал. Полина да батюшка несколько раз пытались вести с князем речи о том, что грешно православному христианину таким бесовским забавам предаваться, что время свободное надобно молитвослову и службе храмовой посвящать, в кротости и послушании детей воспитывать, – но Зверев пропускал укоры мимо ушей и с утра забирал дочерей, чтобы играть с ними и деревенскими мальчишками в снежки, кувыркаться в сугробах, вылетая с раскатанной ледяной горки, смеяться и радоваться жизни. Успеют еще молитвами и аскетизмом намаяться, когда судьба выгонит его из дома. Без хозяина имения отцы Афанасий и Прокопий быстро на девочках отыграются, а княгиня их проповеди еще и поддержит.

К обеду все вместе они вернулись в дом – усталые, заснеженные и довольные. Даже няньки бухтеть перестали, хотя Арина и Пребрана, спрятавшись на обратном пути за воротами тына, ловко забросали их снежками. Полина встретила детей в дверях, всплеснула руками:

– Бегом, бегом к себе, охальницы! Шубки Прасковье скиньте, и бегом сарафаны менять! Вон, подолы все мокрые! А ты куда смотрела, бесстыжая?!

Дородная нянька, принимая одежду воспитанниц, скосила глаза в направлении Зверева. Но мужа Полина ругать не стала, а погрозила женщине пальцем:

– Я вам дам, детей мокрыми приводить. Снежана где?

Молодая нянька, будучи посмышленнее, осталась снаружи, вычищая перед крыльцом санки. Знала, что гнев княгини утихнет быстро. Чай, не поранились дети, не померзли. А что юбки вымокли – так печи в доме горячие, не простынут.

– Как же мы соскучились по тебе, Полюшка! – обнял супругу и поцеловал ее в теплую мягкую щеку Андрей. – А то айда, мы и тебя с ветерком прокатим?

– Да что же ты, батюшка! Холодный же весь! – легко отпихнула его княгиня. – Хоть бы зипун снял.

– Нечто в зипуне ты меня уже не любишь?

– Тебя вестник ждет, – понизила голос она. – С час как примчался. Я его велела с дороги на кухне накормить, медом хмельным отпоить, дабы согрелся.

– Из Москвы? – насторожился Зверев.

– Из поместья, Лисьино.

– Вот черт... Неужто случилось что? Уж лучше бы из Москвы.

– Что ж ты говоришь, батюшка?! – Полина испуганно оглянулась по сторонам и торопливо троекратно осенила себя знамением, один раз перекрестила Андрея: – Хорошо хоть девочки уже убежали...

Зверев, не слушая, устремился на кухню, влетел в полную горячего пара и мясного аромата комнату в дальнем крыле дворца, кивнул облепленной влажным сарафаном Глафире. Ее молодые помощницы в простых рубахах прыснули в кладовую.

– Никак подавать надобно? – забеспокоилась стряпуха.

Андрей отмахнулся, быстро прошел к столу, за которым незнакомый безусый паренек смачно уплетал серебряной ложкой – размером с небольшой половник – огненно-красный, с тонкими коричневыми прожилочками убоины и капусты, поблескивающий глазками янтарного жира, борщ. Увидев князя, гонец вскочил, быстро вытер губы рукавом тулупа и задвигал челюстями, спеша проглотить содержимое набитого рта.

– Не суетись, подавишься, – разрешил хозяин. – Письмо от матери?

Паренек кивал, сунул руку за пазуху, достал берестяной чехол, протянул князю.

– Как она? Здорова? Бед в поместье не случилось? Лихоманки не случилось? С урожаем как? Набегов литовских не было?

Гонец то кивал, то мотал головой, то снова кивал, потом сделал судорожный глоток, выдохнул и склонил голову:

– В полном здравии Ольга Юрьевна пребывает, хотя и в печалях. Напастей иных на землях наших не случилось, а об чем грамота, об том не ведаю, княже.

– Ладно, ешь спокойно. В людской потом отдохнуть можешь с дороги, велю не тревожить.

Распечатывая на ходу чехол, Андрей вышел из кухни, у окна развернул грамоту, пробежал глазами по строкам:

– Скучаю... Хлопоты пустые... Устала... Попрощаться желаю... Что за черт?! – В пустом коридоре поминания нечистого никто не услышал, не попрекнул. Но легче от этого не стало: – С чего это матушка попроситься со мной желает?

Он вернулся обратно, снова спугнув в клеть распаренных девок и оторвав посланца от борща:

– Так ты сказывал, Ольга Юрьевна в полном здравии?

– Истинно так, княже! – подтвердил паренек.

– На хвори не жаловалась? Сам ничего не замечал?

– Вот те крест, княже, – размашисто перекрестился гонец, – здорова твоя матушка. Ни на что не жалуется, в постели не лежит. Рази печалится много, да в храме всеощные стоит. Так за то Господь кары не насылает. Скорее, наоборот.

– Ладно, ешь... – Андрей опять развернул грамоту, перечитал.

Матушка и правда ни на что не жаловалась, про недоимки не писала, людей не ругала. Вроде и в порядке все в поместье, судя по письму. Вот только отчего-то попроситься с сыном Ольга Юрьевна желала. Не увидеться, а именно попроситься. Что поселило в душе князя Сакульского немалую тревогу. Князь завернул в людскую, громко позвал:

– Пахом, ты здесь? Нет? – Он ткнул пальцем в грудь ближнего холопа. – Найти немедля и ко мне прислать. И вообще всех собирайте, неча штаны просиживать.

Бегом, бегом! Шевелитесь!

Смерды, не дожидаясь княжеского гнева, зашевелились. Двое, валявшиеся на лавке, вскочили, кинулись надевать длинные стеганные тегиляи. Вторуша, коего он ткнул первым, уже нахлобучивал ушанку, одновременно путаясь в рукавах тулупа. В дальнем углу, воровато оглянувшись, рыжебородый Шамша выбросил на стол кости. Четверо холопов мельком глянули на число выпавших точек, белобрысый, со шрамом на лбу Никита сгрел монетки и деловито объявил:

– Вторуша, ты Пахома кликни, он у старостовой кумы. Шамше в Волчино скакать, за Изольдом Фридриховичем, а Глебу – за Ильей Карасевичем, на хутор у Сосновой Горы...

Холопы не спорили – видать, успел у них Никита авторитет завоевать. Даже если его Пахом или сотники за старшего оставили – первого попавшегося не назначили бы. Только такого, которого слушаться станут.

– Отчего шумишь, батюшка? – опустилась Андрею на плечо мягкая рука. Князь наклонил голову, мимолетно коснулся щекой ее пальцев, потом молча протянул письмо. Жена растянула свиток, прочитала, шевеля губами, пока холопы проскакивали мимо собирать княжеские рати. На глазах женщины неожиданно навернулись слезы.

– Милая... – Князь торопливо обнял жену, крепко прижал к себе. – Милая, что случилось? Ты чего, хорошая моя.

– Значит... опять...

– Что «опять»? Ты о чем?

– Опять без тебя остаюсь, – резко отступила Полина, прикрыв лицо руками.

– Я же ненадолго, родная!

– Знаю я, каковы пути наши, – покачала головой княгиня. – До лета можно и не ждать. – Она вздохнула. – Да что поделаешь, коли матушка зовет? Скачи.

* * *

С собой Андрей взял всего десять холопов из полутора сотен, что успели продаться ему на службу за последние годы. Все же не в ратный поход собирался, а родное поместье навестить. Но выбрал самых опытных бойцов – мало ли чего случится? А потому его небольшой отряд имел при себе и брони, и рогатины, и луки и по две пищали на каждого. Татей лесных, коли рискнут сунуться, такой кулак прихлопнет хоть впятеро больше, и не задержится. Однако же банд столь больших в русских лесах отродясь не собиралось.

Торопясь к матушке, князь пошел налегке. Никаких саней и телег. Весь груз – на заводных, съестных припасов – только-только с голоду не умереть. Хотя недоедать, конечно, никто не собирался – постоянных дворов на пути хватало. Просто не любил Зверев полностью на милость судьбы полагаться. Харчевни харчевнями, но нужно и свой кусок хлеба в заглазнике на черный день иметь.

Первый привал путники сделали возле устья Карасевки, откуда было удобно начинать переход через Ладогу. Андрей уже в который раз удивился, что еще никто не догадался срубить здесь постоянный двор. Все же место проходнее, путники весь берег истоптали, а в очаге золы накопилось почти по колено. Но земля здесь была уже не его, новгородская, а потому сам князь воспользоваться доходным местом не мог. Он лишь переночевал в снегу наравне с холопами, завернувшись в густую теплую медвежью шкуру, утром подкрепился пирогами и еще до рассвета по накатанному тракту двинулся почти на восток, к устью былинного Волхова. Не успевшие устать лошади шли резво, и путники одолели почти тридцать верст всего за один переход, глубокой ночью остановившись напротив древнего Никольского монастыря, срубленного, как сказывали старожилы, еще самим князем Невским незадолго до знаменитой битвы со свенами. Ворота обители, города и ближних постоянных дворов были уже заперты, а тратить время на поиски удобного ночлега Андрей пожалел. Утром путники опять поднялись в седло и поскакали вверх по реке, чтобы вечером наконец-то дать нормально отдохнуть и себе, и лошадям, заночевав на постоялом дворе в деревеньке со смешным названием Бережки. Следующая ночевка была в знаменитом селении Грузино, в котором Андрей Первозванный по пути на Валаам забыл свой посох. Посох сей хранился в храме, сложенном из камня в честь святого и носящем его имя.

Святому достоянию земли русской путники, разумеется, поклонились, отстояли в храме заутреню – а вечером отсыпались в съемной светелке уже за Новгородом.

Затем по прочному льду Ильменя путники по прямой добрались до устья Ловати, и уже по ней, а по каменному тракту, всего за девять дней домчались до Великих Лук.

Город они увидели уже в сумерках – когда заборы и сараи сливались в неразличимую массу, когда золотые купола храмов не сверкали, а чернели на фоне подернутых облачной вуалью звезд, когда лишь работающее тьяканье цепных шавок да заунывная песня подгулявшего мастерового доказывали, что город еще не вымер, а зевающие привратники примеривались запереть тяжелые, окованные железными полосами ворота.

– По-осторонись! – грозно прикрикнул на стражу Андрей, на рысях влетая под терем с тремя узкими бойницами. – Сторонись, зашибу!

– Ну, ты... – возмутился было один из ратников, но тут же осекся, поняв, что в сопровождении десяти холопов и с двадцатью заводными конями обычный смертный не путешествует. А со знатным боярином полагаться – так ведь потом всю жизнь икаться будет. Голову, может, и не срубят – нет на Руси у знати такой вольницы, – но вот на правеж выставить могут запросто. У боярина наверняка знакомый подьячий найдется, а то и сам воевода. И поди потом ищи справедливости!

Промчавшись саженой двести по узкой улочке, Андрей перешел на шаг, пытаясь сориентироваться. Как-никак, почти десять лет минуло с того времени, как отец его в город приводил. Причем въезжали они не с Ловати, а через Литовские ворота. Да еще темнота кругом.

Выручил, как всегда, Пахом. Дядька пустил каурую кобылку немного быстрее, выдвинувшись всего на полголовы вперед, уверенно проскакал по едва различимым проулкам, решительно пересек крепость и вскоре спешил у покосившихся жердяных ворот. Энергично застучал рукоятью плети по одной из створок. Та затряслась, грохоча и раскачиваясь. Андрею это не понравилось – что это за ворота, что того и гляди сами упадут? Он тоже спешил, потрогал рукой воротину, потом столб. Тот жалобно скрипнул.

– Сгнил, – понял Зверев. – Кажется, кто-то совсем обленился, за отцовским хозяйством не глядит.

- Кто там балует?! - наконец хрипло отозвались со двора. - Счас стражу кликну!

- Я те кликну! - не сдержав гнева, резко ответил князь. - Давно плети хозяйской не пробовал? Отворяй немедля, дармоед.

- Кто это там боярскому человеку грозить смеет? Уходи, стражу кликну!

- Сын боярина Лисьина, князь Андрей Васильевич к себе вернулся! - ответил Пахом.

- Нечто чадо вернулось? - мгновенно переменился тон за воротами. - Бегу, бегу, Андрей Васильевич, бегу, княже.

Загрохотала тяжелая запорная балка, створки качнулись внутрь, и в неясном свете звезд вместо приказчика Андрей увидел перекошенного на левый бок старика в одной исподней рубахе. Тот подслеповато щурился и продолжал удерживать в руке увесистый дубовый запор.

- А где эти... - Зверев щелкнул пальцами. За давностью времени имена отцовских подворников выветрились у него из памяти. - Ну...

- Преставились, царствие им небесное, - перекрестился старик. - Всех четверых лихоманка проклятущая по осени забрала. Так семьей в царствие и отошли. Меня Ольга Юрьевна сюда покамест приставила, за добром доглядывать.

- Тихон, ты, что ли?! - вдруг воскликнул дядька. - В приказчиках?

- Пахом? - признал холопа старик. - Что же вы в воротах-то застряли. Проходите, проходите! Радость-то какая матушку ждет!

Сторож наконец посторонился, освобождая дорогу.

Андрей въехал, спешил под самой крепостной башней, оглянулся на Тихона:

- Как матушка моя? Здорова? Когда известия были? Какие?

– Здорова, здорова, княже, – засеменял к нему старик. – Не жалуется. А возмужал ты как, возмужал! И не признать прежнего отрока. За такую дерзость прости, Андрей Васильевич...

– Я не в обиде, – успокоил его Андрей. – Ты свое дело с прилежанием исполнил, так и надобно.

Он уже понял, что за подгнившие ворота спрашивать больше не с кого, старику со здешним хозяйством все равно не управиться. Хорошо, если дом теплый да в погребе что-нибудь на ужин найдется. Сторожу ведь многого не нужно – комнатушку одну обогреть да кулеш заварить. Вымороженного дома за ночь не протопить.

– Пиво у меня есть! – словно подслушав его мысли, вдруг вспомнил Тихон. – Аккурат вчера слободские принесли. Не желаете испить хмельного с дороги, гости желанные?

Пиво у сторожа, на удивление, оказалось неплохим, солонина в погребе – вполне приличной, а вот дом – промороженным насквозь, что было совсем не удивительно. А какой смысл старику весь дом греть, коли в нем ни единой живой души? Разве мыши бегают – так их отогревать грех еще больший.

В людской было тепло. Но Андрей как князь заночевал все же в хозяйской комнате, в которой только поутру начали оттаивать затянутые промасленным полотном окна. Так и спал на боярской постели, завернувшись в шкуру, для отдыха в снегу предназначенную. Когда же от прогретой каменной печи по горнице наконец потекло блаженное тепло – на улице уже засветлело небо. Самое время уезжать.

Правда, помня отцовские заветы, князь прошел вдоль земляного вала, насыпанного поверх толстостенных дубовых рубленых клетей, выискивая возможные осыпи и проверяя прочность дверей, потом поднялся наверх, к самой крепостной стене, осмотрел и ее: как стоит, не перекосилась ли, не подгнила?

Просторный двор в тесном внутреннем пространстве города достался боярам Лисьиным не просто так. На обязанности помещика по разряду было возложено поддержание в исправности шестигранной рубленой башни размером с пятистенки, выпирающей немного вперед из вала, и примерно по двадцати

сажен стены по обе стороны от нее – как раз того участка, к которому и примыкал двор. Ее Лисьины и строили, и обживали, для нее припасы боевые копили, погреба наполняли. Эту стену и башню они и обороняли, коли сильный враг под стены Великих Лук наведывался. Не одни, конечно – с кожевенной слободы ремесленники здесь же оборонялись, боярину и холопам его помогая. Коли опасность надвигалась – с семьями своими и самым ценным добром перебирались на боярское подворье. В тесноте, да в безопасности... Коли мужи у бойниц духом не дрогнут.

Покрытые изморозью бревна выглядели свежо, словно их только что связали в венцы.

А может – и правда недавно рубили. Андрей не был здесь так давно, что ручаться не мог. Он добрал до лестницы, легко взбежал наверх, прошел по помосту у бойниц. Распущенные вдоль бревна даже не заметили его веса. По ним не то что ратникам в полном вооружении – на танке смело можно было кататься.

Проход в башню находился на четыре ступени выше помоста. Ходить особо не мешает, но если кто на стену прорвется – отбиваться сверху вниз куда удобнее. Внутри было, естественно, морозно и сумрачно. Вдоль наружных стен тянулись стеллажи со стрелами, какими-то горшками и увесистыми булыжниками. Напротив выстроилось два десятка копий и не меньше полусотни сулиц. Весьма внушительный арсенал.

На миг Андрей удивился, что оружие находится здесь, так далеко от присмотра – но потом сообразил, что места на первом этаже башни наверняка отводились людям, коих в трудный час окажется немало.

– А двери в башню нужно все-таки запереть, – решил князь и стал подниматься на боевую площадку по неудобной приставной лестнице. Зато, прорвись противник в башню – сверху опять же проще будет отбиваться.

Отсюда, с высоты семиэтажного дома открывался восхитительный вид на пробудившийся город. Далекое люди казались крохотными, как пчелы. Великие Луки были точно улей: огромное количество прямоугольных сот, и в каждой кто-то шевелился, бегал, что-то делал. Над всем этим, словно гигантская матка, возвышалась черная от времени цитадель, украшенная пятью башнями с

зелеными остроконечными шатрами.

По другую сторону стены вольготно раскинулись домики с огородами, напоминая обычную большую деревню. Увы, в случае опасности дома эти, скорее всего, будут сожжены самими горожанами – чтобы атакующий враг не использовал их как укрытия. А бездомные обитатели перейдут сюда, внутрь более тесного, но зато защищенного города.

Эти размышления побудили младшего из рода Лисьиных заняться делом: Андрей внимательно осмотрел и простучал настил, проверил бревна между бойницами и под ними. Помнится, отец предупреждал, что тут дерево загнивает в первую очередь – вода затекает.

– Шатер нужно над башней поставить, – решил Зверев. – И суше, и ремонта меньше, и лишнее помещение получится на черный день.

– Андрей Васильевич! Андрей Васильевич, ты где? – услышал князь знакомый, но далекий голос, через одну из бойниц выглянул во двор:

– Я здесь, Пахом! Тебе чего?

– Сбираться надобно, княже! – резко поднял голову дядька и вдруг, протяжно вскрикнув, опрокинулся на спину, прямо в истоптанный снег. Заскреб землю руками.

– Пахом! – В груди ледяным комком прокатился страх. – Пахом, ты чего?!

Андрей, прыгая через ступени, в считанные минуты скатился вниз и, растолкав холопов, опустился возле своего воспитателя на колени:

– Ты чего, Пахом? Что случилось?

– Ты велел... С утра поторопить, княже... – сквозь зубы, с явным усилием пробормотал пожилой воин.

– Тебя ранили? Где болит? – быстро расстегнув зипун, наскоро осмотрел дядьку Андрей.

– В спину... Прострелило... – поморщился холоп. – Вестимо, отойдет. Сейчас отойдет...

– В дом его несите, – выпрямившись, решительно приказал Зверев. – Поясницу жиром бобровым с перцем растереть, да прогреть хорошенько надобно. Баня-то тут есть? Тихон! Есть на подворье баня?

– Да что сие за баня? – пожал плечами старик. – Полоскальня обычная.

– Печь в ней есть?

Тихон кивнул.

– Тогда топи! Веничком можжевелевым дядьку по спине надобно пощекотать да жирком с перцем намазать... – Первый испуг за воспитателя прошел, и теперь Андрей начал понимать, в какую неприятность попал. Радикулитного Пахома в седло не посадишь, не в том он состоянии. И ждать, пока болячка отпустит, тоже нельзя – не для того он налегке через половину страны мчался, чтобы чуть ли не у порога целый день лишний сидеть. В задумчивости князь продолжил: – Вина купи хлебного, тоже не помешает, дабы боль не так мучила.

– Дык, благодетель... – замялся было смерд, и Зверев, понимая, о чем тот думает, достал и кинул старику двугривенный:

– Ступай на торг, баню без тебя пошлю кого затопить.

Старик востепенулся, кинулся в дом одеваться. Холопы тем временем переложили стонущего Пахома на потник, подняли тот за углы.

– В мою комнату несите, – приказал Андрей. – На перине ныне понежишься, дядька. Побалуешь косточки, чтобы не бунтовали.

Его воспитатель что-то простонал. Благодарность или протест – разобрать не получилось.

– Не бойсь, дед, – пробормотал один из воинов, – не растрясем.

«Дед... – щелкнуло в голове Зверева. – Пахом – дед! А и правда, ему ведь уже за шестьдесят ныне быть должно. Возраст».

По древнему русскому обычаю дядьку из верных опытных холопов бояре приставляли к сыну с самого дня рождения. Дабы следил неотлучно, оберегал от опасностей, ремеслу ратному учил, знаниями своими делился, в делах всяких помогал. Андрей как раз тридцатую годовщину должен был отмечать. И особо опытным воином себя пока не ощущал. Хотя твердую уверенность в силах уже обрел. Когда Пахом впервые взял из колыбели на руки будущего князя Сакульского, ему тоже наверняка около тридцати было. Юноше безусому воспитание наследника ведь не поручат...

– Эх, Пахом, Пахом... – покачал головой Андрей. – Привык я как-то, что ты крепок, как меч булатный. Побережь не догадался.

Он дождался, пока дядьку занесут в теплую уже после ночного протапливания горницу, переложат на постель, разуют и снимут зипун, кивком указал холопам на дверь, сам сел на лавку в изголовье:

– Извини, Пахом, матушка меня ждет. Не просто так, мыслю, звала. Посему не обессудь, но тебя здесь оставляю.

– Мне бы отлежаться маненько, княже, – вполне уже внятно ответил холоп. – Я нагоню.

– Ни к чему это, дядька. Отдохни, попарься, прогрейся. Думаю, это от холода тебя прохватило. Поторопишься, не долечишься – опять прострелит.

– Я твоему батюшке обещал... – попытался подняться на локте Пахом и тут же скривился от боли.

– И я обещал, – перебил его Андрей. – Обещал отцу подворье наше и стену в исправности держать. Ныне же вижу, ворота болтаются, добро в башне без пригляда и замка, дом выморожен, ровно лес в крещенские морозы. А чего в погребах и клетях творится, так и вовсе не знаю. С Тихона проку нет. Он тут матушкой лишь для виду поставлен. Оттого, что дома в хозяйстве от него пользы никакой. Посему слушай, Пахом, мой наказ. Остаешься здесь за старшего. Времени тебе отвожу месяц. Проверь все от погреба до конька. Что

надобно – поправь; что потребно – купи. Шатер еще хорошо бы над башней от дождя и снега сделать. Оставляю тебе половину холопов в помощь. Серебра вот на расходы возьми. И не спорь! – повысил князь голос, заметив, что дядька собрался что-то сказать. – Пару дней в тепле полежи, мазаться не забывай. Потом делом займешься. Как справишься, матушке в усадьбе доложишь, пусть приказчика справного назначит. А уж потом и за мной не торопись трогайся. Мыслю, я уж в княжество к тому времени поверну. Понял меня? Тогда до встречи, дядька. Выздоровливай.

Андрей похлопал холопа по ладони и вышел, прикидывая, кого из дворни лучше оставить, кого взять с собой.

– Молодые ремонтом пусть займутся, – решил он. – Таскать да рубить у них веселее получится. – И, выходя во двор, скомандовал: – Боголюб, Никита, Мефодий, Воян, Полель – со мной. Остальные при Пахоме остаются. Никита, заводных всех заберите, нечего им тут сено изводить, но оружие оставшихся выложите, пусть при них будет. Мало ли что... Все, седлайте! И так полдня потеряли. Обедать будем дома.

От Великих Лук до усадьбы Лисьиных было всего полтора десятка верст. Полный день езды с телегами, коли поспешать, либо немногим меньше дня просто верхом, или полдня – широкой рысью. Андрей одолел весь путь на рысях – лошадей можно было не беречь, все равно в усадьбе отдохнут. А потому он стремительно промчался по льду извилистого Удрая, свернул с него на узкую Окницу и еще засветло выскочил с нее на берег уже перед самой усадьбой, поднявшей свои стены на невысоком, от силы в два роста, холме с обледеневшими склонами. Холопы не поленились, залили подступы на совесть – отливающая зеленью корка была не меньше ладони в толщину.

Влетать во двор верхом князь не стал, вежливо спешил перед распахнутыми воротами, перекрестился на надвратную икону... И напрасно: боярыня Ольга Юрьевна, материнским сердцем ощутив возвращение сына, выскочила из дома, сбегала со ступеней и торопливо пошла через двор, накинув поверх серого платья с коричневой юбкой один лишь белый пуховый платок.

– Что ты делаешь, матушка! Замерзнешь! – Зверев кинулся навстречу, снимая налатник, положил ей на плечи. Боярыня, словно не заметив, крепко прижалась к груди сына:

– Родненький мой... Приехал...

Андрея удивило, сколь хрупкой и невысокой оказалась эта женщина. В налатнике она просто утонула, хоть вдвое заворачивай. А ведь еще прошлым летом казалась сильной и уверенной в себе. Плечи развернуты, голова гордо вскинута. Помещица, чай, не подступись. И хоть испугалась сильно, когда его раненым привезли – хрупкой и маленькой все равно не стала.

– Матушка моя, – поверх налатника обнял он Ольгу Юрьевну. – Как я по тебе соскучился! Идем в дом, идем. Снег на улице, а ты в одних тапках!

Чуть не насильно он увлек матушку за собой, провел в дом. Здесь уже началась суета: дворня бегала, таская из кухни, из погребов в трапезную угощения, толстая девка понесла наверх стопку чистого белья, служки зажигали в коридорах светильники. Пахнуло жарким.

– Ты, видать, устал с дороги, сынок, – виновато произнесла боярыня. – А баня уж два дня не топлена, промерзла. Кабы знать...

– Ничего, матушка, – снова обнял женщину Зверев. – Я с тобой с радостью посижу, пока греется. Куда ныне спешить-то? Добрались. Ты о себе лучше сказывай. Как живешь, как здоровье, в чем помочь надобно?

– Ладно все, Андрюша. – Боярыня пошла рядом, не сводя с него глаз и поглаживая ладонью по волосам. – На здоровье жаловаться грех. Урожай ныне хороший, недоимок, почитай, не случилось. На подворье в Луках несчастье. Но и там токмо люди отошли, – она перекрестилась, – упокой Господь их душу. Добро же, по виду, все на месте. Я для пригляду Тихона оставила. Мыслю Луку из Заречья туда в приказчики соблазнить. Он хозяин толковый, уважаемый. Должен управиться.

– Это хорошо, что справно, матушка, – кивнул Зверев. – Успокоила ты мою душу. А то после твоего письма всякое в голову полезло. Пока добрался, немало мыслями истомился.

Сказал – и сам удивился тому, как успел за минувшие годы пропитаться словами и образами здешнего времени.

– Да, сынок, – со вздохом призналась боярыня. – Только тебя и дожидалась. Хоть глазком глянуть напоследок.

– Та-ак... – Андрей замедлил шаг. – Наверное, я чего-то недопонимаю.

Они как раз вошли в трапезную, и князь Сакульский решительно указал дворне на дверь:

– Закройте с той стороны! Желая с матушкой побеседовать.

Слуги, опустив головы, заспешили в коридор, толстая сосновая дверь затворилась.

– Ты откушай с дороги, сынок, – указала на кресло во главе стола Ольга Юрьевна. – С утра, поди, крошки во рту не было? Сбитеню горячего испей. Вынести, прости, не догадалась. Спихватилась поздно...

– Подожди, матушка... – Андрей взял боярыню за руки, подвел к крайней скамье, усадил, опустился перед ней на корточки. – Расскажи-ка мне лучше в подробности, отчего вдруг прощаться со мной решила?

– Как почему? – Она опять пригладила его волосы и вдруг заплакала: – Не могу я так более! Одна осталась, что сова старая. Господь детей младших забрал, муж в порубежье сгинул. Кому я ныне нужна? Из светелки в светелку хожу, горшки да снопы считаю, хлысты отписываю, а к чему сие все надобно? Зачем? Покрутилась моя судьбинushка, да вся и вышла. Уходить пора, Андрюша, уходить. Пуст ныне мир округ стал. Куда ни гляну, вроде и смердов вижу, и стены, и поля – а все едино пусто. В душе пусто. Выдохлась она, пролилась вся до капельки. Пора.

Боярыня обняла его за виски, притянула к себе, поцеловала в лоб, но Зверев вывернулся:

– Как у тебя язык повернулся, мама? Внуки у тебя растут, я тоже живой покамест. А ты мне такое сказываешь! Все ерунда, устала ты просто. Это от одиночества. И я дурак, не подумал. Я тебя с собой заберу, в Запорожское. Дворец там отстроен, не меньше усадьбы отцовской. Там и дети, и Полина, и я

там всегда рядом буду. Все, решено! Лошади дня три отдохнут, соберешься и поедем. Аккурат к Крещенью поспеть можем, коли не мешкать.

– Не поеду, сынок, – покачала головой Ольга Юрьевна. – Прости, но пора мне, Андрюша, и о душе подумать, о царствии небесном. Грехи свои надобно отмолить. А грехи на мне тяжкие, страшно и подумать.

– Перестань, матушка! – Зверев отлично понимал, о чем говорит Ольга Юрьевна. – Сына своего спасти – это не грех!

– Спасти, может, и не грех, – ощутил он на щеке ее прохладную руку, – да токмо к чародейству и колдовству христианину обращаться никак не потребно. По деяниям мне и кара. Кто был родной, всех Господь прибрал, лишь тебя оставил. Пути его неисповедимы. Хоть тебя надобно мне у него отмолить. Тебя отмолить, душу спасти. Ухожу я от мира сынок. В обитель Пустынскую закроюсь, постриг приму, власяницу надену. Сколько смогу, столько обетов приму. Бог милостив, искреннее раскаяние примет.

– Чего ему принимать?! Ты же меня от смерти спасала, мама! Разве Бог за это карать может?

– Перестань, – матушка прижала ему палец к губам. – Радость у меня, сын приехал. Нечто хочешь меня в слезах видеть? За стол иди, на место отцовское. Холопы твои, мыслю, с лошадьми и грузом уж управились, сейчас трапезничать придут. Голодные, что волки. Дай посмотреть на тебя, на пиру веселом посидеть. Забудь о разговоре нашем. Опосля обсудим, как отдохнете. Дозволь вернуться дворне к столу, слово им доброе скажи. Ты им ныне хозяин.

* * *

Пир длился дотемна. Андрей, погруженный в свои мысли, никого не останавливал и не подгонял, только кубок поднимал, когда здравицы в его честь кричали. Ольга Юрьевна тоже молчала – глядя то на сына, то на образ Николая Чудотворца, перед которым слабо тлела красным язычком небольшая лампадка. Взгляд Зверева тоже то и дело обращался к ней. И каждый раз он удивлялся, как быстро и заметно иссохла за минувший год боярыня. Словно и правда недуг какой вселился.

Застолье прервала весть о том, что баня наконец-то прогрелась. Гости отправились туда, но попариться всласть не удалось. Время двигалось к полуночи, а это, известное дело, тот час, когда умываться является нечисть домашняя и окрестная, что человека смертного запросто до смерти упарить может али рассудка лишить. Однако же времени и воды, чтобы смыть дорожную грязь, хватило всем, после чего холопы отправились пировать дальше, а князь, не испытывая на то настроения, пошел в свою еще детскую светелку – спать.

Дорога не оставила князя и ночью. Стоило закрыть глаза – и точно так же, как все последние дни, видел он утопанный, перемешанный с грязью, чуть коричневатый снег бесконечного тракта, гриву понурившего голову коня, мерно вылетающие вперед ноги с широкими копытами, проплывающие справа и слева заиндепевшие березняки, черные, с серебристой припорошкой, ели, голые, унылые стволы озябших сосен.

Дорога тянулась и тянулась, постепенно сужаясь, превращаясь в узкую тропу, пробитую среди высоких, сверкающих чистотой сугробов. Просека была глубокой, как ущелье, небо – пасмурным, окружающий лес – плотным до абсолютной непроглядности. И все же тропа оставалась светлой, словно залитой ярким солнечным светом. Она тянулась, тянулась, тянулась, рассекая лес тонкой прямой стрелой, пока не уперлась в ноги старца с морщинистым лицом, в длинном овчинном тулупе, в большущей шапке из горносталя и со связкой мышинных черепушек, свисающих с левого плеча. Старик опирался на неровный и узловатый, зато крепкий, как сталь, посох из соснового корня.

Голова его медленно поднялась, в лицо всадника вонзился, причиняя острую боль, мертвецки-холодный взгляд, шелохнулись бесцветные губы:

– Так-то ты слово свое держишь, чадо? – услышал Зверев, содрогнулся всем телом и проснулся.

В комнате и за окном было темно. Впрочем, если на улице уже и светало – через два слоя промасленного ситца первым слабым лучам все равно было не пробиться. Зато из-за окна доносилось редкое беканье, сонное кудахтанье, изредка мычала хрипая корова. Время от времени звякало железо. Это означало, что жизнь усадьбы снова возрождалась после долгой зимней ночи.

Андрей не спеша оделся, вышел на крыльцо, негромко свистнул:

– Эй, есть кто в конюшне?! – Из-за приоткрытой створки хлева высунулась курчавая рыжая голова, и князь тут же ткнул в ее сторону пальцем: – Скакуна мне бодрого оседлай не медля. Седло не парадное, а удобное, походное положи, и торбу с ячменем.

– Слушаю, княже... – Подворник, судя по кивку головы, поклонился, из-за створки было не видно.

Зверев тоже кивнул, вернулся в дом и направился к кухне, где уже вовсю кипела работа. Ведь к тому времени, как проснется усадьба, на всех должен быть готов сытный горячий завтрак. Князь здесь не узнал никого, однако стряпухи не зная боярского сына не могли, и потому он уверенно приказал:

– Сумку чересседельную мне с собой приготовьте. Вина положите, пива, пирогов, убоины какой-нибудь горячей, ветчины. Круп разных с полпуда. Еще какой снеди по мелочи, коли есть. Поторапливайтесь, лошадь на дворе студится. Как матушка поднимется, передайте: засветло вернусь. Поди, в бане от души попариться время будет.

Девки и кухарки не прекословили, минут за десять собрали внушительную торбу. С нею князь вышел во двор, перекинул сумку через холку скакуна, поднялся в седло, забрал у подворника поводья, кивнул на ворота:

– Отпирай! – И выехал в предрассветные сумерки, тропя через девственный наст свежую дорожку.

Скакун шел тяжело: зима успела наместить снега коню почти по брюхо, и каждый шаг давался бедолаге с трудом. К счастью, ехать было недалеко: пара верст до Большого Удряя, через замерзшую реку на болото, еще с полверсты мимо низких и черных, скрученных, будто судорогами, березок к колючей стене ежевики и затем – к двум выпирающим из топей пологим холмикам.

Когда князь спешил, уже давно рассвело. Чистое голубое небо обещало крепкий, трескучий морозец, где-то в кустах испуганно чирикали пичуги, над ними носились, прыгая с дерева на дерево, две рыжевато-серые выцветшие белки с пушистыми, но редкими, как посудный ершик, хвостами. Андрей отпустил коню подпруги, накрыл попоной, дабы тот не застудился, повесил на морду торбу, погладил между глазами:

– Ничего, милый, отдохни. Назад по торному пути куда легче скакать будет.

Прихватив сумку, он поднялся к знакомой пещере, один за другим откинул пологи, сшитые из невыделанных козьих шкур, и остановился на глиняной площадке в полторы сажени шириной, давая глазам время привыкнуть к полумраку. Здесь, в обители древнего волхва, как и прежде, пахло едким дымом, сосновой смолой и чем-то чуть сладковатым, дрожжевым, как от кадушки со сдобным тестом. Освещалось помещение не свечами или факелами, а продолговатым камнем с сажень длиной и в локоть толщиной, вмурованным в стену на высоте в полтора роста. Свет был слаб – при взгляде на колдовской валун глаза не испытывали никакого неудобства, на человеческие нужды его вполне хватало. Просто после ослепительного белого наста, яркого неба, сияющего солнца – в пещере человек на несколько минут оказывался совершенно слепым.

Снизу презрительно крикнули. Андрей вспомнил, что на подобный момент старый колдун учил его заговору на кошачий глаз – но вспомнить нужных слов и действий не смог, а потому просто повернулся влево, где должна быть лестница, и с нарочитой ленью начал спускаться по ступеням. Благо глаза как раз привыкли к полумраку, и из темноты мало-помалу проступили стены, дощатый стол и две скамьи внизу, стеллаж напротив, обложенный валунами очаг, в котором еще тлели бурыми огоньками недогоревшие угли.

– Никак навестить меня решил, чадо? – ехидно поинтересовался из-за спины волхв. Андрей от неожиданности шарахнулся в сторону, одновременно поворачиваясь, и едва не сорвался со ступеней. Однако Лютобор успел поймать его за рукав и подтянул к себе, недовольно пробурчав: – Так-то ты клятвы свои блюдешь, отрок? Так познания мои перенимаешь?

– Я тебе угощение привез, чародей, – примирительно ответил Зверев. – К болоту, вижу, все дорожки замело. Чай, не ходит никто?

– Спужался, с голоду помру? – хмыкнул колдун. – Напрасно. Плоть от плоти я земле русской. Пока она есть, так и мне сгинуть не даст.

Лютобор спустился вниз мимо гостя, специально задев его плечом. Андрей не стал удерживать равновесия, а просто спрыгнул вниз, к столу, положил на толстые доски чересседельную сумку:

– Стало быть, угощение обратно увозить?

Старик пожевал губами, глядя на пухлую емкость, и перед соблазном не устоял:

– Ладно, чадо, не мучайся. Выкладывай, коли уж притащил.

Лютобор, покачиваясь с боку на бок, словно растягивая затекшие мышцы, доковылял до стены, где на множестве полочек и выемок, выдолбленных в слежавшейся глине, стояли глиняные горшки, закрытые промасленной тканью, стояли короба, туюски, небольшие глиняные фляжки, покачивались метелочки из всякой разной травы. Волхв крикнул, наклонился, из нижней ниши достал четыре полешка, перекинул в очаг. Послышалось слабое пыхтение. Огонь, довольно потрескивая, переполз с углей на свежее угощение, быстро вскарабкался по коре и заплясал на верхнем полешке.

– Чего сосновыми топишь? – удивился Зверев. – Хочешь, я тебе березовых напилю? Они и горят дольше, и жара больше дают.

– Копоти от них много, – отмахнулся старик. – Да и запаса я уж на зиму, неча зря на снегу окрест следить. Устал я от внимания лишнего...

Он развязал поясok из тонкой кожи, с двумя ножнами и вышитым кисетом, положил на стол, аккуратно одернул грубый суконный балахон, оправил что-то невидимое под ним, опоясался снова.

– Никак грелку собачью на спине носишь? – удивился Андрей. – Мудрый волхв, всесильный Лютобор боится застудиться?

– Ты язык-то придержи, отрок, – хмуро посоветовал колдун. – В мои годы ты и вовсе прахом никчемным станешь, хоть ты ноне и князь. Мне же за немощь телесную стыдиться ни к чему. Духом я живу, а не плотью. Да и жить совсем немного осталось. Два десятка лет, как и земле русской.

– Неправда твоя, мудрый волхв, – покачал головой Андрей. – Ты погибель Руси с трех сторон накликал, с Востока, с Запада и с Юга. Так вот беду восточную я уже унял, ханство Казанское ныне России стало дружеским, никакой войны с ним быть больше не может. Да еще Астраханское тоже, и Северный Кавказ Иоанну

поклонился, под длань его могучую попросясь...

- Эх ты речи складно ведешь, - удивился колдун. - Ровно и не иноземец.

- Какой я тебе иноземец, чародей?! - повысил голос Зверев. - Русский я, русским родился, русским и помру!

- Однако же речи раньше так складно не вел, - припомнил ему Лютобор. - Слова неведомые то и дело сказывал, слов же исконных наших не ведал. Как послушать - ну истинным немцем казался! Ну, что смотришь на меня, ровно муха на варенье? Коли привез угощение, так наливай! Дух мой крепок, однако же и плоть побаловать не грешно... Ох, не слушает она меня ныне. Совсем не слушает. И ворон мой куда-то пропал. Нечто хозяина иного искать улетел, как мыслишь? Все про меня забывать начали, ровно умер уж давно, а не вскорости отойду.

- Зачем тебе умирать, Лютобор? - Андрей поставил перед ним деревянную пиалу, плеснул в нее по самые края красного вина, в другую налил для себя. - Не пропадет Русь наша, в том тебе моя порука.

- Мыслишь, чадо, с ханством восточным управился, на том и беда вся пропала? - Колдун наклонился, потянул носом витающий над пиалой аромат. - Ан рази не сказывал я тебе, что беда самая страшная из земель южных придет, а сила западная и восточная лишь в помощниках беде главной окажется?

- Ты про Османскую империю, Лютобор? Так я ее прошлым летом маненько пощипал...

- Коли быку холку ощипать, чадо, он слабее не станет, - покачал головой колдун. - Не ослабил ты силу сарацинскую, токмо кровушки отпил...

Лютобор поднял чашу и в несколько глотков принял в себя ее темно-красное содержимое.

- Ты откуда знаешь? - удивился Андрей. - Ты что, следил за мной, волхв?

– А чего мне еще делать, чадо? – пожал плечами колдун. – Времени у меня в достатке, заклятие на зеркало Велеса ты и сам знаешь. Отчего и не последить, как ты клятвы свои исполняешь? Клятву страны востока, юга и заката порушить, клятву учение мое без устали познавать, клятву земле русской служить, покуда возможно. Так, чадо? Клялся? И что ныне? Когда заговор последний творил, когда на уроки мои последний раз являлся, когда в зеркало смотрел?

– Ты же знаешь, Лютобор, – виновато отвел глаза Зверев. – Княжество мое далеко, служба и вовсе неведомо где, куда воля царская кинет. Как мне теперь...

– Не лги! – с неожиданной силой стукнул кулаком по столу колдун. – Не лги мне, смертный, не с дитем малым разговор ведешь! Нечто не учил я тебя, как во сне в места далекие приходить, как в чужие сны проникать, как вести посылать за многие версты! Отчего во снах своих ко мне не являлся, дабы ведовство мое познавать?! Отчего ночной порой вопросы мне не задавал, отчего учения постигнутого в делах не пробовал? В клятве своей ты отступничество проявил и за то на тебя гнев мой ляжет!

– Еще по глоточку? – предложил Андрей.

– Прощения просить не станешь? – изрядно удивился Лютобор.

– Зачем, волхв? Ты мудр и знаешь, что никто в мире не идеален. Я из обещанного хоть половину сделал, а ты и вовсе ничего.

– Ладно, налей. И сходи наверх, снега чистого в котел набей. Травки себе на обед заварю.

Старый как мир колдун был достаточно мудр, чтобы не развивать неудобного спора. Андрей, может, и подзабыл о своих обещаниях – да ведь и чародей так и не смог вернуть его обратно, в двадцать первый век. О чем тогда говорить? Истины из этого спора не познать, а озлобиться друг на друга можно с легкостью.

Князь достал из-под стола закопченный медный котелок, поднялся наверх, плотно набил его снегом, добавил сверху горку – не то ведь, как растает, не больше трети натопится, – после чего вернулся вниз, пристроил посудину над

огнем, взялся за свою пиалку, немного отпил. Вздыхнул:

– Знал бы ты, мудрый волхв, что такое Османская империя. Это такая сила, что кого угодно в мясо переломать способна. Половину Европы она уже покорила, северную Африку, Ближний Восток, Персию ныне воюет... В общем, всех, до кого достала, к покорности привела. Там одного только населения раз в двадцать больше, нежели на Руси нашей насчитать можно. Сила страшная. Куда мне одному против этакой мощи? Пощипать я ее, конечно, пощипал... Но что еще супротив этакой махины сделаешь?

Про Россию Зверев решил не поминать больше, чтобы волхва зря не расстраивать. Даже после поглощения Казанского и Астраханского ханств Русь против Османского государства смотрелась как песец против тигра. Зверек, может, и опасный – да только крупному хищнику все едино только на один зуб.

– Коли лбом в ворота биться, так это никакого лба не хватит, отрок, – клопочуще засмеялся колдун. – Дабы ворота открыть, их не бить головой надобно, а ключик нужный отыскать.

Андрей хмыкнул, прикидывая в уме, какой может отыскаться «ключик» для уничтожения самой могучей державы планеты руками одного маленького человечка, пусть даже и князя.

Напасть и разорить порубежный городок?

У Великолепной Порты подобных городков десятки тысяч. Укол будет неприятный, но не более того. Как укус комара, злобно напавшего на носорога.

Прокрасться в Стамбул и убить султана?

Так османские султаны регулярно умирают сами по себе. На трон садится другой, а империя остается прежней: могучей, хищной и непобедимой.

Напустить какую-нибудь болезнь, мор, проклятие?

Так в здешнем мире эпидемии и без того гуляют тут и там, как сквозняки в обветшавшем доме. Люди – мрут, империи – выживают.

Да и проклятий за свои деяния османы успели получить немало. И ничего, живут. Кудесники востока недаром считаются самыми сильными в мире. И служат они как раз султану, а не его врагам. Европа своих чародеев успела зажарить на кострах, на Руси же колдунов просто не жалуют.

– Мыслишь? – усмехнулся Лютобор. – Мысли, мысли – деяние зело полезное...

Колдун допил вино, отодвинул пиалу, развернулся и склонился над котелком, в котором с шипением и бульканьем погружался в горячую воду совсем уже небольшой снежный комок. Хозяин пещеры с недовольным кряхтением распрямился, повел плечами и двинулся вдоль стены. Сорвав с пересохших веников по несколько листочков, он прихватил половник, вернулся к очагу, бросил травку в воду, стал ее помешивать.

– Империя не человек, – поморщился Андрей. – Одним выстрелом, пусть даже и точным, ее не убьешь. Только силой ломать нужно. Силой на силу.

– То есть лбом в ворота? – вздохнул волхв. – Иного помыслить не получается? А ты не спеши, сам пораскинь возможностями, с людьми мудрыми посоветуйся, разузнай о враге нашем сколько сможешь, когда в Османию свою хваленую поедешь.

– Когда я в нее еще поеду? – покачал головой Зверев. – Ныне это совершенно не с руки. Батюшка мой здешний, боярин Василий Ярославич, в порубежье прошлым летом погиб, матушка в монастырь с горя собралась, мор по стране прошел, с подворьями в Москве и Луках разброд...

– Я тебя чему учил, бестолочь?! – От неожиданного удара половником в лоб у Андрея из глаз посыпались искры. – Я почто столько сил на тебя угробил?! Я для чего тебе мудрость свою передавал?!

После третьего удара ковш половника раскололся пополам. Лютобор кинул его в пламя и побежал вдоль ниш и полок, разыскивая другой. Зверев, опешивший от неожиданного нападения и от гнева своего учителя, отбежал на лестницу, с нижних ступеней спросил:

– Ты чего, дед? Озверел совсем?

– Я озверел?! – Волхв остановился и повернулся к нему. – Нечто это я тупостью безмерной тут красуюсь?! Я чему тебя учил столько лет, пень стоеросовый?! А ну, сказывай, как через зеркало Велеса в будущее глядеть незнаемое?

– Свечу из жира мертвого поставить надобно... – неуверенно ответил Андрей.

– Отчего из мертвого?

– Потому как свеча из живого жира лишь судьбу человека своего показывать способна. Того, из которого... – Князь наконец начал прозревать по поводу размеров своей глупости.

Что он знал о гибели отца? Только то, что тот не вернулся, а на месте последней его схватки возле реки Кшени спустя неделю нашли кровавые следы да обглоданные дикими зверьми человеческие кости. И он, вместо того, чтобы найти старые отцовские вещи со следами пота и жира, вытопить их, сделать свечу и глянуть в будущее – вместо этого он помчался на край света, чтобы предаться празднику мести.

Волхв прав: он воистину дикий необразованный идиот!

– Не спеши, – наблюдая за мимикой ученика, снизошел чародей. – Не беги свечи делать. Глянул я уже, как от просительниц о беде твоей услышал. Жив отец твой, здоров ныне. В полон взят степняками с тремя холопами. Один холоп, ведаю, от раны тяжелой сгинул. Остальные же и поныне целы.

– Жив? – В голове князя все мгновенно перемешалось.

Если отец жив – отчего за него татары до сих пор выкупа не просят? Хотя, да, конечно! По обычаю ратных пленников казна выкупает, родичей искать татарам ни к чему. Отчего до сих пор не выкупили? На Петров день по традиции русские с татарами пленными меняются. Странно... Но про то только в Москве узнать можно. И матушка, матушка в неведении!

– Вижу, в беспамятстве ты нонеча, – наконец разыскал среди горшков и коробок другую ложку колдун. – Говорить с тобой об ином чем бесполезно. Беги, чадо. Путь твой мне известен, совесть же к деяниям потребным направит. Ступай.

– Лютобор... – Андрей сбежал по ступеням, крепко обнял старика: – Лютобор...

Нужные слова почему-то никак не шли в голову.

– Да понял я все, чадо, понял, – голос колдуна дрогнул и потеплел. – Как душа успокоится, сам придешь. Ныне же поспешай.

Хозяйка Бабино

На пути домой князь Сакульский гнал скакуна во весь опор и влетел в ворота на совершенно взмыленном коне, из-под упряжи которого падала на снег крупными комками чуть розоватая, едко пахнувшая пена.

– Матушка где? – крикнул он подворнику, бросая ему поводья.

– В храм ушла, на литургию. Службу отстоять, причаститься, – степенно ответил смерд. – Эк загнали вороного-то... Выхаживать надобно, как бы не запарился.

– Ну так выхаживай, я же тебя поить его не заставляю! – притопнул Зверев. С одной стороны, ему хотелось мчаться с благой вестью со всех ног, с другой – церковь не то место, где можно бегать, обниматься и радоваться. Тем более во время службы.

– Баню топят, княже, – сообщил ему подворник, уводя скакуна обратно за ворота. – Как ты и повелел.

– Баня – это хорошо, – пробормотал Андрей.

Как ни спешил князь ринуться на выручку, он отлично понимал, что сегодня сорваться с места не получится. В дорогу надо припасы собрать, и лошади после дальнего перехода еще не отдохнули. Холопы наверняка в церковь пошли, исповедаться за минувшие недели и причаститься – ему, нехристю, не чета. Вернутся незадолго до сумерек – а на ночь глядя с места опять же не снимешься. И сколько он тут ножкой ни стучи, как ни торопись – размеренную нынешнюю жизнь ему на ускоренные обороты не разогнать. Какой смысл

здешним обитателям минуты или даже часы считать и экономить, коли путь отсюда до стольного града Москвы – две недели с поспешанием? Тут даже целый день потерянный ничего в делах не изменит. Из столицы до османских земель – пути еще месяц, не менее. А коли задержки случатся... С задержками – так и вовсе только по весне он до Крыма доберется. Гони не гони, все равно терпением нужно запастись по самые-самые гланды.

«И ведь точно без задержки не получится, – внезапно сообразил он. – В Москве подворье без приказчика, искать кого-то надобно. Боярам за пределы царства без государева дозволения отъезжать нельзя, придется к Ивану на прием пробиваться. Хорошо хоть, он мне без доклада, помнится, разрешил приходить... Все время, время, время... Вот проклятие, как бы и вправду до весны не застрять!»

Все еще не в силах унять зуд в ногах, он быстрым шагом пересек двор, забежал к себе в светелку, скинул верхнюю одежду. Заметался от стены к стене. Ему не сиделось и не лежалось. Хотелось действовать, сделать хоть что-то!

Но делать было совершенно нечего.

Чтобы как-то занять себя, Андрей пошел в баню, уже жарко протопленную – после вчерашнего мытья она и остыть еще толком не успела, – но пока с холодным чаном воды. Мимоходом он увидел свое отражение в бочке с водой: довольно длинная, давно не чесанная борода, темные густые усы, длинные, почти до плеч волосы. Князь остановился, хмыкнул, повернул назад в светелку. Он наконец-то понял, что нужно сделать в первую очередь.

Достав из ножен косарь, он покачал клинком возле окна, ловя блики на лезвие ножа. Острый клинок света не отражает – нечем. На затупившемся видна белая полоска. Его оружие полоски, разумеется, не показало, но несколько бликов вдоль клинка сверкнуло. Андрей достал из мешка свиток грубой бычьей кожи, растянул его на скамье и несколько минут старательно правил клинок, пока от бликов на его острие не осталось и следа. Затем снова отправился в баню, плеснул на голову чуть теплой водой из котла, намылил ее щелоком, встал к бочке и, медленно проводя косарем ото лба к затылку, быстро сбрил все волосы. Заодно, пока клинок остер, и бороду подкоротил до длины в два пальца.

Макушку с непривычки заохлодило – тафья-то осталась в светелке. Князь окатил голову, вышел и чуть не сразу столкнулся с боярыней.

– Ты чего, Андрюша? – удивилась Ольга Юрьевна его свежесбритой голове.

– Никакого монастыря и никакого траура, мама, – просто и обыденно сообщил Зверев. – Отец жив.

– Жив? – почему-то испугалась женщина, закрыв рот пальцами сразу обеих рук. – Откель ты... Ты был?..

– Да, да, на Козютином мху, – не стал открещиваться князь.

– Значит... Ой! – Закрыла она лицо ладонями.

– Собирай меня в путь, мама. Поеду батюшку выкупать. Слишком долго от него вестей нету. Видать, что-то не складывается.

– Жеуж-жо жив... – Боярыня кинулась Андрею на шею и заплакала уже открыто. – Жив, жив, жив... Смилостивился Господь... Отмолила...

– Жив, мама, жив. Я его привезу, не сомневайся. Завтра же отправлюсь.

– Завтра не получится, – всхлипнула Ольга Юрьевна. Как она ни переволновалась от неожиданного известия, но хозяйка всегда оставалась хозяйкой. – Одежда вся холопов твоих постирана. Девки полощут ныне, опосля сушиться повесят. Пока еще высохнет... Да и лошадям роздых надобен, токмо с похода. Иных у меня в усадьбе нет, дружина-то наша вместе с батюшкой пропала. Ты и сам-то отдохни, сынок. Попарься, выпись в досталь, горячего да вкусного поешь. В пути, знаю, разносолами не побалуешься. Радость какая... – Ольга Юрьевна отступила, старательно промокнула уголками платка глаза. – Пойдем, Андрюша. Я в трапезной уж накрывать велела. Проголодались люди с утра.

– Почему с утра? – не понял Зверев.

– Так ведь литургия же! – изумленно воззрилась на него матушка. – Перед причастием наедаться нельзя.

– А, ну да, – спохватился Андрей и три раза перекрестился. Но, видимо, недостаточно искренне: боярыня укоризненно покачала головой, потом безнадежно махнула рукой:

– Ступай, оденься к обеду.

Обед был скромным: кислые щи, каша с ветчиной, сыто и пироги с грибами. Чай, не пир все-таки, изысками и винами баловаться ни к чему. Князь, серебряной ложкой выгребая из миски ароматное варево, поглядывал на холопов.

Всего пятеро... Не много для дальнего пути, да еще через беспокойные земли. У Пахома истребовать? Так ведь ему самому мало, чтобы подворье в порядок привести. Да еще ведь и примчится, воспитанника одного не отпустит.

А уж насчет московского подворья... Там и пятерых мало за хозяйством следить – слишком большое. В Москве нужно не просто верного человека оставить, а умного и домовитого. Холопом не обойдешься.

Прямо хоть матушку проси туда поехать! Да ведь родную усадьбу боярыня не оставит. Вовсе от мира она бы и ушла, от всех хлопот земных отвернувшись. Но коли мужа дожидаться решила – то очаг свой беречь станет, не бросит.

– А что, матушка, приказчиков верных и умных у тебя на примете нет? – от полной безысходности решил-таки попробовать Андрей. – Толковых, хозяйственных. Чтобы усадьбу доверить можно было без опаски. Чтобы не обокрали, не разорили, не запустили поместье?

– Разве таких ныне найдешь, сынок? – пожала плечами боярыня. – Вот, помню, как молодой еще женой была, так Филипп у нас жил. Вот то приказчик так приказчик. Хваткий, находчивый, считал так – подьячему приказному подобного невмоготу. Помню, смерды про озеро заикнутся, с неводом пройти – так враз оброк называет, и минуты не думает. Да так точно, и мужики не в накладе, и мы пять лет со свежей рыбой жили. Али снопы отмерял – с края поля глянет, ан тут же у него все сосчитано. Предан делу был он, гроша ломаного в карман не положит, все в амбар хозяйский да в казну... За преданность и сгинул. Зарубили

ляхи возле обоза, что на торг вел. Смерды все разбежались от телег-то, а он не стал. Ляхи пограбили и ушли, облавы на смердов чинить не стали. Да-а... Они и привезли Филиппа-то. Ныне таких людей уж нет, выродились ныне истинные слуги...

- Так уж и не осталось никого? - не поверил князь.

- Иные и живут, да куда им до слуг прежних? - вздохнула Ольга Юрьевна. - Латынина-арапчонка помнишь? Ну, в Сешково бегал, у братьев-бочкарей. Лихо Латынка торг ведет, завсегда с прибытком, оброк завсегда день в день платит. Но все обмануть норовил, недосчитать, товар занизить. Ему доверься - враз обнесет. Ваха-нора - хозяин крепкий, работающий. Да тугодум. Этот и не обманет, так самого обдурят. Кешка из Бутурлей такой же. Из всех мужиков одна Варвара, вдова Терентина, дела справно ведет. Как в Луках Великих беда случилась, так я об ней первым делом помыслила. Как Терентий Мошкарин преставился, при ней ведь и промысел рыбный не пропал, и скотины меньше не стало, и на торг, ведаю, катается постоянно. Как управляется, непонятно. Поди ж ты, баба - а все тянет! Мыслила ее к подворью приставить, да передумала. Куда бабе справой ратной заниматься, делами засечными да оборонными? Как бы не попортила чего.

- Терентий Мошкарин умер? - Тоненько екнуло у Андрея в груди. - Тот самый, которого батюшка от оброка освободил?

- Нечто ты его знал, сынок? - удивилась Ольга Юрьевна. - Да, он самый. Ноне, как преставился, так и прощения от оброка боле быть не должно, про то я ведаю. Токмо Господь его лишь прошлой весной прибрал, - перекрестилась она, - уроки менять поздно. Юрьева дня ждать надобно. Да и сумневалась я, что управится Варька. Как в дворовых девках сидела, так самая взбалмошная была, ветер в голове. Да ты ее помнить должен, она как раз у тебя в светелке завсегда прибиралась! А ныне уж и хутор ее прозвание известное получил: Бабино. Аж в Луках Великих торговцы ведают, где баба без мужиков дело свое ведет.

- Помню, - не стал отрекаться Зверев. - Красивая была девчонка... А где отрез Терентия находится, не напомнишь?

- У Линнинского озера. По реке нашей до него верст пять скакать, нечто забыл? - Матушка глянула на уплетающую кашу дворню, понизила голос: - А

чего это ты про девок детских вспоминать начал, княже?

– Сама же похвалила, – невозмутимо пожал плечами Андрей. – Глянуть хочу на хозяйственную такую бабу. Коли и вправду не дура, стану ее у тебя просить.

– Ты!.. – возмущенно повысила голос боярыня, но тут же спохватилась, осенила себя знамением и перешла на шепот: – Ты чего это умыслил, охальник? Тебя же жена с детишками дома дожидается, а ты...

– А я все о хозяйстве, – перебил ее Зверев. – У меня подворье в Москве без приказчика. Коли через Москву ехать, оставить кого-то надобно. Где я ныне, второпях, толкового человека отыщу? Ее мы хоть знаем. Коли не дура, может, хоть до возвращения моего за хозяйством последит?

– Ну-у-у... – посерьезнела Ольга Юрьевна, – нареканий за ней не помню, чтобы нечистой на руку была. С малым своим двором управляется. Насчет большого не поручусь. Да и крепостная она вроде, насильно с тобой не отправишь.[4 - Говоря современным языком, крепостной? – это человек, работающий на условиях договора земельной аренды. «Арендодатель» не может с него требовать ничего, кроме оплаты земельной аренды (барщины, оброка).] Недоимок за ней нет, попрекнуть нечем.

– Чего же сразу попрекать? – удивился Андрей. – Съезжу, гляну. Коли с нею все ладно – может, и так, добром сговоримся.

– Сговоришься, как же, – не поверила боярыня. – Сказывала же, скотины у нее изрядно в хлеву, промысел рыбный, двор. Рази от такого уедешь?

– Она про оброк, что ты со следующего года назначить хочешь, знает?

– Ну, – кивнула Ольга Юрьевна, – а коли и согласится, это сколько хлопот, чтобы добро ее переписать и на доверие оставить? За день, а то и два никак не управимся.

– Тогда тянуть ни к чему. – Князь торопливо выпил сыто и поднялся из-за стола: – На конюшне есть кто сейчас? Пусть свежего коня седлают, я вскорости спущусь.

Реки, озера и ручьи, известное дело, на Руси и зимой и летом главными торными путями остаются. И Окница, что текла возле усадьбы, была хорошо наезжена – заносы, вроде тех, что на пути к Козютину мху лежали, тут давно были раскиданы и раскатаны. Потому Андрей без опаски пустил серого в яблоках жеребца в галоп, высекая шипастыми подковами ледяную крошку из левой колеи. Во весь опор он всего за пять минут долетел до Удряя, повернул вправо, через полверсты свернул на Линну, речушку только-только с розвальни шириной. Здесь, на удивление, дорога была накатана ничуть не хуже, нежели возле усадьбы. Еще четверть часа скачки, и колея, плавно выползшая из русла на пологий склон, провела его через лысый взгорок, вдоль серого от тростника берега прямо к воротам. Огороженный высоким, в полтора роста, тыном из тонких, в две руки, кольев, двор тут же отозвался злобным собачьим лаем.

– Солидно... – оценил трудолюбие хозяев князь, спешиваясь возле ворот, тоже сбитых из плотно подогнанных кольев. – Супротив ратного отряда не устоит, но волкам-медведям не по зубам. Да и тать лесной не полезет. Забираться высоко, ломать шумно, хозяин проснется.

Разумеется, окружить подобной стеной все хозяйство смерду, даже зажиточному, было не под силу. Тын тянулся от хлева к амбару, от амбара к бане, от бани к сараю, от сарая к дому. Но вместе со строениями он надежно ограждал от дикого зверья и чужих глаз пространство, достаточное для организации баскетбольного матча: и для площадки места хватало, и участников где разместить.

Андрей тряхнул головой, отгоняя неуместные мысли, занес кулак, чтобы постучать – но тут внутри что-то загрохотало, створка дрогнула, поползла внутрь. Жеребец, обнаружив совсем рядом пегую кобылку, запряженную в сани с большой, уложенной набок бочкой, многозначительно всхрапнул. Князь тут же вцепился скакуну в узду: как бы не взбрыкнулся.

Из-за створки выступил мальчишка: ростом князю по грудь, курносый, с голубыми глазами. Все прочее терялось в огромном, размера на три больше нужного, тулупе и таком же безразмерном малахае на голове.

– Ты кто? – удивился паренек.

– Гость, – усмехнулся Зверев. – А ты?

- Хозяин, – уверенно ответил тот, вывел сани за ворота, вернулся, чуть приподнял створку и потянул за собой, закрывая двор.

- Терентия Мошкарин сын? – на всякий случай уточнил князь.

- Он самый, – гордо кивнул тот. – А ты из чьих будешь?

- Из Лисьиных, – усмехнулся князь. – Андреем зовут.

- Все мы тут при Лисьиных живем, – сурово ответил мальчуган, усаживаясь на передок саней и подбирая вожжи. – Н-но, пошла, лентяйка!

Сани дрогнули и поползли вдоль тына. Князь немного подумал и двинулся следом – разгоряченного скачкой жеребца все равно следовало выходить.

- Зовут-то тебя как, хозяин?

- Андреем крещен, – глянул назад через плечо паренек. – Тезки мы с тобой, так выходит.

- Это хорошо, проще запомнить, – пригладил бородку Зверев. – Один хозяйствуешь, али помогает кто?

- Мать в доме осталась. Суп томит.

- Как это «томит»? – не понял князь.

- В печи, знамо, томит, как иначе? – с удивлением оглянулся на него мальчишка. – Не русский, что ли?

- Не кухарка, – обиделся Зверев. – Супов варить не умею.

- Из дворни, видать? – понимающе кивнул маленький Андрей. – На всем готовом? Ну, а у нас, пахарей, дом один. И кашеварить, и пилить, и колоть все самим приходится.

– Ты еще и пахарь?

– Мать помогает... – с некоторой заминкой признал паренек. – Соха тяжелая. Да мы много земли не поднимаем, токмо на огород, да ячмень для скота и хлеба маненько. Вдвоем с хлебом на нашем отрезе не управиться, а приживал мамка звать не желает.

– Тяжело ей, наверное? Нечто так одна и живет?

– Как одна? – не понял мальчишка. – А я?

Сани доползли до озера. Возчик развернул их боком, привычно намотал вожжи на березку с ободранной корой, вытянул из-под себя ведро, скинул с бочки широкую крышку, спустился на лед, ведром же пробил в затянутой тонким льдом полынье отверстие, начал черпать воду и таскать ее к саням, заливая в обширную емкость.

– Однако... – оценил потребности подворья князь. – Скотины много?

– Лошадей три, коров столько же, да овцы, да хрюшка, псина. Птица тоже пить хочет. Да и нам самим надобно.

– Изрядно.

– А ты, Андрей Лисьинский, к чужому добру не приценивайся, не про твою душу скоплено.

– Неужели одна управляется? – снова засомневался Зверев, тут же поправился: – Ну, и ты, конечно.

– Раньше батюшка еще помогал... – Паренек остановился, скинул шапку, перекрестился, поклонился куда-то на восток. – Да токмо о прошлом годе слег, высох весь, ровно тростинка, да и отошел всего за три месяца... – Он напялил малахай, отер рукавом нос, снова взялся за ведро. – Пока вроде справляемся. Хоть, знамо, и тяжко. Но я так мыслю, коли хозяйства не расширять, то пару лет выдюжим. А там я жену в дом приведу, легче станет.[5 - Случаи, когда совсем молодых мальчишек женили на взрослых девках ради того, чтобы получить для

хозяйства лишние рабочие руки, нередко случались в крестьянской среде.]
Лишняя пара рук – это ого-го как выручает. Батюшка, хоть и слаб был, а подсоблял изрядно, пока совсем плох не стал.

– Уже и невесту присмотрел?

– Матушка, мыслю, сама подберет, – опять утер нос мальчуган. – Была бы крепкая да работающая.

– А как, чтобы ласковая?

– Заскучаю – матушка приласкает, – явно не понял вопроса паренек.

Зверев тоже уточнять не стал, повел жеребца спокойным шагом широко вокруг проруби, дабы тот остыл и восстановил дыхание. Пять кругов – и бочка на санях наполнилась до краев. Мальчишка прилепнул дырку крышкой, забрался на облучок и понукнул кобылу, поворачивая к дому. Андрей пошел следом.

Заведя сани во двор, мальчуган скинул шапку, поклонился:

– Ну, прощевай, мил человек. Благодарствую за компанию.

– Подожди, Андрей, Мошкарин сын. Мать позови, поговорить с ней хочу.

– Чего это тебе от матушки понадобилось? – моментально напрягся паренек. – Коли нужда какая, мне сказывай, я отвечу!

– Дело у меня к ней есть, важное.

– Знаю я дела все ваши! – попытался задвинуть воротину маленький Андрей. – Поперва про хозяйство выпросил, а теперича к вдове дела заимел?! Ступай отсель, подворник, не то собак спущу!

– Эк ты суров стал, – усмехнулся Зверев. – Ну да ладно, не силой же ломиться. Ты скажи, окна из кухни, что на ту сторону выходят, первые или вторые? В какие стучать?

– Я тебе постучу, бродяга! – Паренек покрутил головой, отскочил и вернулся с тяжелым засовом, вполне способным заменить дубину.

– А чего делать, коли с Варварой мне поговорить надобно, а ты не зовешь?

– Откель ведаешь, как матушку зовут?

– Ты, храбрый юноша, у гостя коня прими, в дом проводи, водицы дай с дороги испить, в тепле погреться, а уж потом расспрашивай, чего надобно, – напомнил элементарные правила гостеприимства князь. – А то что ж, с дрекольем встречаешь, да еще любопытство свое у прохожего желаешь утолить?

Молодой хозяин размышлял недолго. Видно, понял, что незнакомец и правда может в окно постучать, на это разрешения не требуется.

– Напоить напою, – пообещал он, – но расседлывать не стану. Время к вечеру, неча тебе здесь задерживаться.

– Что ты там застрял, Андрюша? – внезапно послышался из глубины двора женский голос. – Никак, поломалось что?

– Да путник тут прохожий воды испить просит, – неохотно признал мальчик.

– Откель у нас путники, Андрей? Чай, не на тракте проезжем живем.

– Да вот, приехал... Спрашивал, много ли добра у нас? И одна ли ты с ним управляешься.

– Кто же это такой любопытный заявился? – Вытирая на ходу руки, хозяйка наконец подошла к воротам и в изумлении замерла: – Ты?!

В первый миг Звереву показалось, что он видит перед собой изящную хрупкую фею с точеными чертами лица и осиной талией. И даже свободный сарафан с синей вышивкой по сторонам от груди, даже пышная длинная юбка не портила впечатления легкости женской фигуры. Но потом разум подправил его, что таких красоток он встречал чуть не на каждом дворе – просто привык к формам княгини, что раза в два шире в талии, и ожидал увидеть в Варе нечто такое же.

Но вот лицо – лицо ее оставалось таким же, как двенадцать лет назад: те же розовые щеки с ямочками, те же тонкие губы, те же глаза и вздернутый остренький нос. Разгоряченная после возни у печи, Варвара пахла пасхальными куличами и манила внутренним жаром, столь желанным после долгого зимнего пути.

– Шапку-то скинь, бестолочь, – спохватившись, огрела хозяйка сына несильным подзатыльником, аккурат чтобы малахай уронить. – Кланяйся, князь Сакульский пред тобой!

– Нечто князь, мама? А по виду человек обычный... – не поверил паренек.

– А ты думал, у князей рога и крылья растут? – усмехнулся Андрей.

– Дык, я... это... – растерялся мальчишка, поняв, что сморозил неладное. – Ну, холопов нет совсем, слуг всяких. И одежда простая, и упряжь обычная.

– Ты прости его, княже, – сказала Варвара, поправляя на голове платок. – Не ведает, как вести себя надобно. При дворе все сидит, хозяйством занят. Откель ему научиться?

– Хоть грамотный? – любопытствовал Зверев.

– Пока Терентий жив был, в церковь по воскресеньям бегал. Ныне же никак. Рук мало, хлопот много. Даже в город не свозить. Когда я на торгу, он тут за старшего, за все в ответе... – Она вдруг низко поклонилась, махнув рукой почти по самому снегу, и громко произнесла: – Долгих лет тебе, княже! Не стой на пороге, проходи в дом, дорогим гостем будешь.

Выглядело все это как-то неестественно, театрально – но правильно до приторности. И младший Андрей наконец все же забрал повод коня, уведя его куда-то влево, к нетерпеливо мычащему хлеву.

– Проходи, княже, – указала женщина на крыльцо с резными столбиками. – Я как раз суп стомила. Покушаешь с дороги горяченького.

– Да я сыт, спасибо.

– Нечто и не зайдешь? – удивилась Варя.

– Зайду. Конечно, зайду, – покачал головой Зверев. – Это сколько же ему уже? Одиннадцать? Почему Андрей?

– Имя мне это нравится. Опять же знала, что двух Андреев в доме моем не будет. И по святам подходило... – В словах хозяйки князю почудилась капля горечи, но лицо Вари осталось невозмутимым. Она первой поднялась на крыльцо, вошла в дом. Может, и не очень вежливо – да только надо ведь ей было хоть наскоро в комнатах прибраться, прежде чем постороннего человека принимать. Зверев, наоборот, задержался, огляделся. Убедился, что его младший тезка действительно поставил под навес скакуна, воды налил.

Мальчишка, ощутив на себе взгляд гостя, коня все-таки расседлал и даже прикрыл ему спину серой протертой рогожей. Князь кивнул, медленно поднялся по ступеням, постучал сапогами у порога, потянул на себя дверь. Наружу стремглав вылетела рыжая кошка, описала какой-то немислимый пируэт и так же быстро влетела обратно. Видимо, не ожидала, что снаружи так холодно.

– Это еще что, то ли дело ночью будет! – пообещал ей Андрей, прошел вдоль выставленных в ряд четырех пар валенок, под четыремя же замызганными тулупами, но раздеваться здесь не стал, прошел в горницу. Скинул шапку, перекрестился в красный угол, даже не глядя, на что – в каждом доме и комнате там находится какой-то образок.

В лицо дохнуло влагой, теплом и сочным, густым, нестерпимо ярким запахом распаренного гороха и чуть подкопченного мяса, тонущего в горшке под тонкой пленкой жира, в тягучем коричневом вареве. Рот моментально наполнился слюной. Андрей даже сглотнул, что не осталось незамеченным.

– Давно ведь ел, княже, – приоткрыла крышку и перемешала суп Варя. – Когда еще обед в усадьбе был? Может, налить? Не побрезгуешь?

– Разве немного, за компанию, – повел носом Зверев. – Совсем чуть-чуть.

– Много и не варила. – Хозяйка сняла с полки оловянную миску, поставила на стол, чуть подумала и передвинула во главу стола, еще две поставила по сторонам. – Сейчас Андрей придет, и сядем. Он все же единственный мужик в

доме, без него нехорошо... Вина достать?

– Не нужно, – отказался князь, наклонился к низкому небольшому оконцу. Зато – забранному слюдой. – Богато живете.

– Василий Ярославович за зажиточного смерда отдал, низкий ему поклон, не бедствовали, – ответила Варя, быстро и ловко рубя в мелкое крошево репу. – Бог даст, и сын в достатке останется.

Она стряхнула крошево в горшок, сыпанула туда же несколько горстей крупы, залила из кадки водой, убрала крышку с топки печи, подхватила горшок ухватом и легко поставила в глубину дышащего жаром зева.

– Прости, княже, что не развлекаю. Да хлопот больно много. Иначе не управиться.

– Так я не развлекаться приехал, Варя, – подошел ближе к женщине Зверев. – Хочу тебе поручение одно важное предложить.

– Иначе, стало быть, и не вспомнил бы, княже? – повернулась она навстречу и глянула прямо в глаза.

Наверное, в этот миг в душе Андрея что-то должно было всколыхнуться, перемениться, вспыхнуть... Увы, он видел перед собой лишь симпатичную женщину. Женщину из своего прошлого, когда-то желанную, любимую. Но теперь – всего лишь давно и хорошо знакомую. И свою Полину князь не променял бы на нее никогда и ни за что.

– Я ведь отсюда в полумесяце пути живу, Варя. – Он не выдержал и отвел взор. – Когда последний раз в усадьбу заезжал, и не помню.

– О прошлом годе... – Оказывается, хозяйка была хорошо осведомлена о его визитах.

– В прошлом году я не приезжал, – поправил он. – В прошлом году меня раненого в беспамятстве к матушке привезли.

- Что случилось? - встревожилась Варя.

- Поранили.

- Сильно?

- Заросло давно.

- Ты бы берег себя, княже... - Ладонь женщины легла ему на грудь.

Но тут в сенях хлопнула дверь, и Варя лишь погладила ворот зипуна:

- Шубу-то снимай. Тепло тут у нас, не заоченеешь.

- Я все сделал, мама! - громко топая, вошел в горницу младший Андрей. - Воды всем налил, лошадям сена задал, сани в хлев закатил, жеребцу княжескому кадку от Пестрашки поставил.

- Молодец, садись за стол... Нет, нет, на угол. Сегодня во главе княжеское место... - Хозяйка еще раз перемешала половником суп, быстро одну за другой наполнила три миски, поставила на стол. В центр водрузила кувшин, быстро расставила легкие тонкостенные стаканчики из бересты, добавила еще две мисочки с квашеной капустой и солеными грибочками, наконец села сама, сложила руки домиком перед собой. Зверев спохватился, что именно он здесь старший по возрасту и по званию, перекрестился, тоже сложил руки и прочитал молитву перед вкушением пищи, благо стараниями супруги, повторявшей ее по три раза в день, успел выучить слова наизусть:

- Отче наш, иже еси на небесех! Да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли. Хлеб наш насущный даждь нам днесь; и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должникам нашим; и не введи нас во искушение, но избави нас от лукаваго. Аминь.

- Аминь! - радостно закончил младший Андрей, вытащил из-за пазухи деревянную ложку и стал прихлебывать горячее варево.

- Сам вырезал, - торопливо пояснила Варя. - Только ею теперь и ест.

- Железной горячо! – с набитым ртом пояснил мальчуган.

- Серебряной, – тихо поправила мама.

- И ею горячо, – согласился тот.

- Серебряной ложки лихоманка боится. И колики брюшные, и грудной жар, – сказал ему Андрей.

- Откель им тут взяться? – легкомысленно парировал его тезка.

- Тоже верно. – Зверев склонился над своей миской, зачерпнул, еще, еще... и сам не заметил, как опустошил ее донизу, да еще и косточки обсосал. – Вкуснятина какая, Варя! Никогда в жизни такого вкусного не пробовал!

- Моя мама лучше всех готовит! – с гордостью подтвердил мальчишка. – А рыбу как в лотке с петрушкой печет, не оторваться!

- Надо будет попробовать, – кивнул Зверев.

- Нечто твоя жена, княже, готовить не умеет? – невинно поинтересовалась женщина.

Андрей промолчал. Полина, разумеется, не готовила никогда. Она выбирала кухарок. Да и те тоже супы и каши разом на сто человек стряпали. Разве такое с домашним, лично для себя сваренным и в печи выдержанным лакомством сравнишь?

А может, просто руки у девок дворовых не из того места росли, ленились на работе. Но плохим словом про супругу князь все равно обмолвиться не мог. Хорошую стряпуху найти несложно. Хорошей женой награждают небеса.

- Не судьба тебе попробовать, княже, – не дождавшись ответа, вздохнула Варвара. – Ныне я их запекать не собираюсь, а опосля как же ты заедешь? Имение твое далеко, дороги немеряны. Когда уезжать собираешься? Заждалась, небось, жена-то?

- Что ты заладила, жена да жена?! - не выдержал Андрей. - К тебе я ныне приехал! Нужна ты мне. Очень. Поедешь?

- Куда? - сглотнула женщина.

- В Москву. Подворье у меня без присмотра осталось, лихоманка по городам прошла по осени. Человек надобен разумный и хозяйственный. Кроме тебя, никого не знаю. Затем и пришел.

- Когда?

- Послезавтра.

- Но почему я?! - обеими руками оттолкнулась от стола хозяйка. - Нечто иных людей в имении твоём нету?

- Бабин хутор твой, Варя, - хозяйство крепкое, про то все знают. Коли здесь одна осиливаешь, отчего тебе с подворьем московским не справиться? Там еще и помощников тебе найдем.

- Мама, мы поедем в Москву? - В голосе паренька Зверев распознал мечтательные нотки. Князь понял, что у него появился союзник, и усилил нажим:

- Ты в столице была, не растеряешься. Хозяйство там даже проще, рыбных промыслов нет, со скотиной мороки меньше. Дом, конечно, большой. Но его каждый день поить и кормить не нужно. Город, сама знаешь, богатый. Сыну там куда больше возможностей судьбу достойную выбрать.

- Ты же меня не знаешь совсем, княже... Сколько лет не виделись. Как же все подворье свое доверить можешь? Дворец целый, добро несчитанное.

Андрей глянул на нее, на паренька, усмехнулся:

- Да уж знаю, не обманщики.

- Мама, мы поедем в Москву? - повторил вопрос Андрейка, налил себе из кувшина кваса, жадно выпил. - А царя мы увидим?

- Нет, не увидим, – покачала головой женщина. – Он в палатах великокняжеских живет, туда и бояр не всяких пускают. Куда уж нам.
- Меня пустят, – тут же возразил Зверев. – Могу Андрея к себе в свиту взять.
- Мама, я хочу! – Глаза мальчишки тут же загорелись.
- Нельзя нам ехать, – вдруг решительно отказалась Варвара и встала из-за стола. – Хозяйство у нас вон какое! На кого мы его оставим? Как бросим? Не получится.
- Подворникам матушкиным по росписи все передашь, она страдника какого-нибудь сюда определит, скот в имение отведем. Коли не получится с подворьем, назад все вернут в целости.
- Нет, княже, нет! От добра добра не ищут. Мы уж тут обжились, привыкли, места свои и дело знаем, помыслы о годах будущих обговорены – рази можно так запросто все бросать? Не поедем!
- Матушка, матушка, давай съездим? – обежал стол паренек. – На царя хоть одним глазком глянуть, на палаты княжеские, на бояр знатных.
- Нет! Нет, – мотнула головой хозяйка. – Ищи себе другого приказчика, князь Андрей Васильевич!
- Некогда мне искать, Варя. Отца нужно из полона выкупать. Отсюда через Москву поеду и дальше в Крым, в Османскую империю.
- Василий Ярославич в полоне? – Женщина упала обратно на скамью. – Как, когда?
- Разве ты не знаешь? – удивился Андрей. – Про то, как меня в имение привозили, знаешь, а про отца нет?
- Сказывали, погиб боярин, – перекрестилась Варя. – Но я про то особо не спрашивала. Мне оброка платить не надобно, в усадьбу и не заворачивала.

Соседей же близ хутора моего нет.

- Не хотела знать, что с боярином вашим случилось? - не поверил Зверев.

- Ты же там был, - прикусила губу хозяйка. - Вот в стороне и держалась.

Князь немного подумал, оценивая услышанное, потом махнул рукой и прямо спросил:

- Так ты поедешь?

- Мама, поехали, поехали! - снова заладил свое ее сын. - Когда еще в Москву получится? Царя увидим.

- Иди, коня княжеского проведай! - решительно осадила его мать. - Коли напился, сена ему задать надобно. В курятник глянь, нет ли яиц, и запри на ночь накрепко, полешкой в щель подопри!

- Да знаю я, знаю, - недовольно буркнул паренек и, отпустив ее рукав, вышел из горницы.

- Какой самолюбивый, - сказал Зверев, когда за младшим Андреем закрылась дверь.

- Весь в отца, - невозмутимо сообщила Варвара.

- Это хорошо, - заметил князь. - Как раз из самолюбия и вырастает честь, отвага, чувство собственного достоинства.

- Зачем смерду честь и отвага? Пахарю терпение и послушание куда больше потребны.

Андрей пропустил мимо ушей и этот намек и снова спросил:

- Так ты поедешь, Варя? Поможешь с тяготой моей?

- Так сразу жизнь всю бросить и на край света умчаться? - Она покачала головой. - Не девочка уже. Подумать надобно.

- Думай, - пожал плечами Зверев. - Силой тащить не стану.

Он налил себе квасу, осушил берестяной стакан, налил еще. Варя подождала немного, спросила:

- Ты, Андрей Васильевич, здесь ответа моего ждать намерен?

- На улице холодно, Варенька. До усадьбы далеко. Коли согласишься, надобно сразу подворников от матушки присылать, да собираться. День всего останется, послезавтра в седло. Некогда туда-сюда мотаться.

- Как в седло? А вещи? Скарб наш, рухлядь всякая. Тут возков пять выйдет, не меньше.

- В Москве все есть, - отрезал Зверев. - Обоз тащить - это лишних две недели в пути. А времени, Варенька, и правда в обрез.

- Прямо как в полон берешь! Цап, в чем есть - и через седло.

- Лишние вещи - лишняя морока. А отчего, кстати, у тебя четыре пары валенок в сенях стоят? Вас же тут двое всего живет!

- Сыро в хлеву и на конюшне бывает, вода проливается, когда возим. Одна-две пары сохнут, в других ходим... А ты что подумал?

- И тулупов четыре штуки тоже сохнут?

- А чего мокрые таскать, коли запасные есть? - улыбнулась хозяйка. - В сундуке токмо моль зря сожрет. Так и проветриваются, и польза от них. Жаль, все они Андрею не по росту. Но вроде управляется как-то.

- Понятно...

- Не смотри на меня так! - рывком поднялась Варвара. - Неуютно мне.

- Я и не смотрел.

- А то я не чувствую! - Женщина отошла к печи, загрохотала крышкой, взялась за хват. Зверев отвернулся, чтобы не смущать хозяйку.

- Сколько у тебя детей ныне, княже? - спросила Варя.

- Трое. Старшие девочки, и сын уже ходит.

- Трое, значит, - повторила она, возвращаясь к столу. - Счастливый. Я ведь все понимаю, княже. Я девка дворовая без роду и племени, ты барчук. У меня лишь любовь, а за княгиней твоей - и титул, и земли, и узы кровные. Тут и не захочешь, а десять раз подумаешь. Коли же отец с матерью решили, и вовсе делать нечего. Понимаю, не виновен ты. И боярин с заботой ко мне... А все равно здесь, в сердце, колет и колет. Колет и колет...

- Варя, Варенька, ты чего? - Он успел вскочить и прижать ее к себе, чтобы не увидеть женских слез. Лишь ощутил, как вздрагивает Варя в крепких объятиях.

- Теперь и вовсе одна... - выдохнула она ему в шею. - Такая вышла забота.

- Не нужно быть одной, - ответил он. - Ты ведь не холопка, человек свободный.

- А не люб мне никто более! Все мы, бортниковы дети, однолюбы! - со злостью стукнула она кулаком ему по спине. Удар получился ощутимым: работа с хватом накачала женщине крепкие мышцы. Андрей сразу пожалел, что снял зипун, а поддоспешник оставил дома.

Тут в доме хлопнула дверь - и Варвара тут же отпрянула, утерла глаза, наклонилась к горячему горшку.

- В Москву поехали, там одна не будешь.

- С женой твоей под одной крышей жить? Смотреть, как ласкаешься с ней, милуешься, как в опочивальню ведешь?

- Значит, отказываешься? - Хождение по кругу Андрею начало надоедать.

- Думаю, - пожала плечами хозяйка.

- Пятнадцать яиц, - сообщил, входя в комнату, паренек. - Я их в сенях в корзину сложил. Жеребца в конюшню отвел, холодно все же на улице. Красавец конь!

- В конюшню? - переспросил князь, наклонился к слюдяному окошку. - Заболтались мы, Варя. Смеркается. Где стелить мне станешь, красавица? Ехать мне, похоже, уже поздно. Что за места возле твоего хутора, я не знаю, в темноте недолго и заблудиться.

- На сеновале и дворе ныне холодно, там тебя, княже, не оставишь. В светелке своей постелю, за печью, - решила женщина. - Там тепло и тихо. И с утра не потревожу, как затапливать начну.

- Стели, - кивнул Андрей. - День у меня сегодня был длинный, а ночь короткая. Пожалуй, прямо сейчас и лягу.

- Сейчас, токмо лампу запалю.

Зауток за печью оказался весьма уютным. Без окон и всего пять на пять шагов, но зато большую его часть занимала пахнущая полынью постель, а близкая стена выбеленной печи обещала обеспечить теплом на всю ночь. Андрей с наслаждением разделся - устал за время путешествия на привалах в одежде спать, - вытянулся на травяном тюфяке, укрытом свежей простыней, и почти мгновенно провалился в небытие. Князь и не заметил, сколько прошло времени, прежде чем зашуршало сено и тюфяк сгорбился, выталкивая его из сна в реальность.

В светелочке было темно, темно непроглядно. От печи тянуло жаром, и он, не поняв поначалу, в чем дело, отпахнул одеяло, повернулся на спину, раскинув руки, - и попал пальцами в живое тело. Андрей приподнялся, повел ладонью дальше по тонкому сатину. Мягкая нога свешивалась вниз. Он скользнул рукой в другую сторону: вверх, по горячему бедру, попал на мягкий бок и двинулся выше, по ребрам, пока пальцы не обняли горячую грудь.

– Не нужно, княже, не балуй, – попросила женщина, но руки не оттолкнула. – Я все думаю думаю. Нельзя никак хозяйство налаженное бросать. Жаль отдавать в руки чужие, ведь попортят все! И Василию Ярославовичу помочь хочется.

Вместо ответа Зверев приподнялся, опрокинул ее на спину, с легкостью нашел губами горячие губы.

– Тише, тише... – попросила она, жадно отвечая на поцелуи. – Андрейку разбудишь.

В темноте узнать, кто и что делает, было невозможно. Зверев торопливо сорвал с себя исподнее, а когда снова наклонился к губам – попал щекой в ее колено, стал целовать его, поднимаясь все выше и выше. Пока Варя не застонала в голос и не схватила его за уши, рывком подтянув к себе, сама заткнула его губами свой рот, чуть не вцепившись в них зубами, и в этот миг их тела стали единым целым – зубы вправду сомкнулись, но Андрей не ощутил боли, залитый ярким, как пламя сухого пергамента, наслаждением. Он даже увидел во мраке цвет этого наслаждения: прозрачный алый цвет спелой земляники. Оно не обрывалось, оно становилось все ярче и сильнее, оно тянулось куда-то в бесконечность – а может, это остановилось само время...

Вечности не выдержало тело – оно взорвалось, выталкивая наслаждение из себя прочь, осветив князя последней, самой яркой вспышкой и тут же, мгновенно, обмякнув полностью, до последней мышцы.

– Варенька... – только и смог выдохнуть он.

– Я поеду с тобой куда угодно и когда угодно, – прошептала она в ответ. – Только намекни.

А князь Андрей Сакульский запоздало вспомнил, что он все-таки женат и намерен не изменять любимой Полинушке до конца жизни.

Москва

По пути на Бабин хутор Андрей неудачно упал на реке вместе с конем и разбил лицо. Во всяком случае, именно так он объяснил матери распухшие, посиневшие губы и то, почему не вернулся в усадьбу в тот же день. Поверила матушка, нет – осталось неизвестным. Зверев проходил весь день в повязке с сырым мясом на рту и вести с ним разговоры было невозможно.

Вопросы с хозяйством Варвары, вдовы Мошкариной, боярыня решила просто: за скотину заплатила, дабы не решать, каковая из нее насколько хороша и чем потом, коли что, заменять придется. С рыбным промыслом, двором и земельным отрезом – сохранить пообещала за нею на пять лет и обратно поселить, коли вернется. А не вернется – так и уговору конец. Остальные споры и сомнения Ольга Юрьевна легко рассеяла, вдруг вспомнив, что Мошкарини ямских сборов аж одиннадцать лет не платили – а то ведь уже не оброк, а тягло государево. Хозяйка тут же отступила и получила от боярыни грамоту, что все оброки ею выплачены и долгов за Варварой нет. То есть человек она вольный и имеет полное право отправляться туда, куда душа ее пожелает.[6 - Тут нужно еще раз отметить, что крепостная зависимость к рабству не имеет никакого отношения и обуславливается договором земельной аренды. Крепостной не имел права бросить хозяина, пока не выплатит ему плату за использование земельного надела и не вернет долг, если получал «подъемные». И?все. Даже после Соборного Уложения 1649 года попытки помещиков относиться к крепостным, как к рабам, карались каторгой. Достаточно вспомнить судьбу знаменитой Салтычихи.]

Иных задержек в сборах не случилось, и еще до рассвета второго дня князь Сакульский со свитой из пяти холопов, вольноотпущенницы и ее сына отправился в путь.

В Луки Великие Зверев заезжать не стал, дабы зря Пахома не тревожить и времени не терять, и с двумя малыми привалами шел до глубокого вечера, завернув на ночлег в постоянный двор купца Гречишина. Видать, на гречихе хозяин когда-то заметно поднялся.

Ночевать с Варей в одной светелке князь поначалу не собирался, думал вместе со всеми в людской оставить. Но увидев, сколько там незнакомых проезжих всякого вида укладывается, передумал и забрал к себе вместе с сыном. Так оно дальше на всем пути и повелось. От Гречишина двора к Жижицкому озеру, от озера к Хмельному Погосту, от Погоста к Ушанам. Ямы с почтовыми лошадьми, окруженные постоянными дворами, стояли на тракте примерно в двадцати

верстах друг от друга. Аккурат на расстоянии, которое лошадь пролетает во весь опор за час, не падая с ног при этом. Обычные верховые путники столько же проезжали за день, а груженные телеги проползали за два.

Долго и нудно, день за днем: подъем и завтрак еще в темноте, потом длинный переход, полуденный привал – отдых, обед и неторопливая переседловка, – и новый переход до самой непроглядной темноты, постоянный двор, сытный ужин с пивом или хмельным вареным медом. А на рассвете – снова в седло.

Как ни спешил князь – а быстрее двигаться не мог. Опыт дальних походов не раз доказывал, что попытка поторопиться приведет к обратному результату – через пять-шесть дней скакуны начнут банально падать с ног. Природу не обмануть. Или двадцать верст рывком, а потом день отдыха, – либо сорок верст за день, и сутки отдыха потом. Либо двадцать верст в день – но непрерывно, день за днем, без опасения загнать и потерять лошадей.[7 - Поскольку в наш механический век возникают самые фантастические слухи о скорости передвижения конницы, приведу короткую ссылку на наставление РККА: «При организации марша и определении скорости движения надлежит исходить из следующих норм. Полк может непрерывно двигаться 7–8 часов в сутки. Нормальный переход установлен в 50 км. Через каждые 2–3 дня движения устраивается днёвка. Максимум, что конница может дать с полным напряжением сил конского состава, это два марша подряд по 100 км, но после этих маршей коннице нужен полный отдых не менее 2 суток».] Быстрее мчаться можно только на почтовых – но взять проезжую грамоту на всех людей даже князю Сакульскому было не по карману. Да и без припасов остаться нельзя – а походные тюки на почтовых не навьючишь. Это ведь еще и заводных придется по полному разряду оплачивать!

Потому-то и пришлось князю набраться терпения и ждать, ждать, ждать, запивая скуку вином и мечтая о покупке ходких туркестанских лошадей, что способны, по рассказам, одолевать за три дня по сто пятьдесят верст – и после этого не падать! Но и они, конечно, оставались весьма дорогим удовольствием. Всю дружину на них не пересадить. Разве только для себя одного завести, для престижа. Ну, и породу в имении немного улучшить – тоже будет хорошо.

Шестнадцать дней, один к одному, бесконечных и однообразных, мчались они по Пуповскому шляху, прежде чем к полудню пятнадцатого наконец проскакали под трехглавой надвратной церковью Литовских ворот. Еще два часа пришлось пробираться по переполненным улицам. Наконец холопы раскрыли перед князем дощатые, расписанные лилиями и освященные образом святого Николая ворота.

Внутри было дико, пусто и заброшенно. Толстый слой снега, прорезанный лишь одной тонкой запорошенной тропинкой, нечищенные крыши и крыльцо дворца, тишина в сараях и хлеву, ни единого дымка из труб, закрытые ставни окон, давно нетронутая, потемневшая со всех сторон копна сена. Подворье можно было бы принять за мертвое, если бы не лай в загородке для сторожевых псов.

– Тэ-эк, – потянул князь. – Ну, коли собаки тявкают, стало быть не все потеряно. Кто-то их подкармливает.

– Может, добры люди какие? – осторожно предположила Варя.

– Судя по следам, обитают они во дворце. А коли так, то или не чужие, или не добрые. – Андрей подъехал к конюшне, спешил: – Мефодий, Воян, Полель! Коней примите, расседлайте... В общем, не маленькие, знаете, что делать. Колодец за сараем, коли не знаете. Боголюб, Никита, баней сразу займитесь, а то мы все уж две недели не парились.

– Разом обернемся, княже, – за всех ответил Никита, спрыгивая в жалостно скрипнувший наст. Повел плечами, разминая тело, наклонился, зачерпнул снег, растер щеки: – Ек как кусается, княже! Морозы-то крещенские!

– Сперва дело, потом чаркой согреетесь, – пообещал князь, и холопы сразу зашевелились шустрее, словно вино уже подогрело кровь в их жилах.

– Пойдем, Варя, – позвал женщину Андрей. – Осмотришь здешнее хозяйство.

Он стал пробираться к крыльцу, но не успел пройти и половины пути, как навстречу выскочил скрюченный на левый бок, седой Еремей – такой же драный, в замызганной душегрейке, латаной-перелатаной серой полотняной рубахе и вытертых штанах, с перепутанной клочковатой бородой, каким Зверев увидел его в первый раз.

– Ты чего это, ярыга? – возмутился он. – Почто хозяина позоришь? Я же тебе достойно велел одеваться!

– Как же одеянием хвалиться, коли один на таком хозяйстве сижусь? – оправдался, подслеповато щурясь, старик. – Увидят тати, одному не отбиться. А

так убогость мою увидят – и дом нищим сочтут. А кому охота через псов голодных в брошенный двор залезать?

– Ради хитрости, стало быть, скромничаешь? – усмехнулся князь. – Ну, тогда молодец, прощаю. Награжу за старания от души.

– Да меня уж Господь наградил, – перекрестился ярыга. – Молодых, эвон, лихоманка всех прибрала, а я живу. И не рад уж, сила не та. Не хватает за все-то углядеть. И нечем глянуть ныне. Да бережет, милостивец. Миром жалует.

– Это у нас здесь такой огромный дом? – прижав шапку на голове руками, дабы не упала, окинул взглядом дворец маленький Андрей.

– Не у нас, а у князя, – поправила его Варвара.

– Теперь и у вас тоже, – вступился за паренька Зверев. – Пойдем.

В доме было сумрачно. Проникающего через распахнутую дверь света хватало только на то, чтобы осветить прихожую, а свеча, что еле тлела у ярыги в комнатке привратника, не давала ни тепла, ни освещения. Варя выдохнула – изо рта искрящимися клубами вылетел пар.

– Как же ты тут жил, старик? – удивилась она.

– Дык, на кухне, как кулеш али кашу подогревал ввечеру, так до утра тепла и хватало. На ней и спал. На печи то есть. Руки уж не те, милые. Не поколоть дровишек. А в плите топка большая. Туда поленьев разом кинешь неколотых, щепой растопишь... До утра самого угли и тлеют.

Варвара тяжело вздохнула, оглянулась на князя. Зверев развел руками. Он тоже не знал, за что при таком раскладе хвататься в первую очередь. Женщина покачала головой и принялась расстегивать полушубок, вскинула палец:

– Все ставни раскрыть немедля, не то мы тут ноги сломим. Печи все затопить... Первыми в людской и у опочивальни. И больше до ночи сделать мы никак столь малым числом не успеем. Старик, как тебя... Показывай, погреб где, припасы, кухня. Со мной семеро мужиков голодных. Коли вскорости не накормлю – саму

слопают.

– Пошли, Андрей, – тронул мальчишку за плечо Зверев. – С тебя ставни на первом этаже, я пока дров поколю. Потом растапливать начнем.

Варвара оказалась права. Пока трое холопов управились с тремя десятками лошадей, расседлав их и развьючив, задав им воды и сена, пока перетащили вещи частью в дом, частью в сарай, прошло почти два часа – и только потом они пришли на помощь. За это время князь с тезкой только-только две печи успели дровами забить и растопить. Боголюб же с Никитой и вовсе на весь вечер в бане застряли. Там ведь не только растопить, но и воды из колодца натаскать требовалось. Причем изрядно – в большой медный чан.

Настроение подняли только рассыпчатая гречневая каша с тушеной свининой, что каким-то чудом смогла всего за два часа сотворить Варвара, и два кувшина красной тягучей петерсемены, которую князь велел ярыге выставить на стол. А хмель, коли им не перебарщивать, всегда работу облегчает.

К позднему вечеру приезжие успели-таки заготовить изрядную поленницу дров, дабы хватило для всех печей – и перед сном топки набить, и утром снова растопить. После этого времени осталось только ополоснуться в теплой бане тепленькой же водичкой, плотно поужинать с холодным, из погреба, сухоньким вином – пивом, как продуктом скоропортящимся, ярыга не запасся, – и усталые мужчины попадали спать в людской, сдвинув лавки с тюфяками ближе к печи.

Андрей поднялся к себе в опочивальню. Потрогал широкий дымоход, занимающий половину стены, продыхи, что только начали дышать горячим воздухом. Все было слабо подогретым, а постель и вовсе ледяная. Однако идти в уже согревшуюся людскую Зверев не хотел – негоже знатному боярину со смердами в одной свалке ночевать. Холодно не холодно, а родовитость свои ограничения налагает. Все, что он смог придумать, так это повесить одеяла у самой печки. Заглянув в резное бюро, рядом со стопкой чистой мелованной бумаги он обнаружил серебряный графинчик витиеватой персидской чеканки, тонкую высокую рюмку.

– Остался, значит, запас на долгий вечер, – удовлетворенно улыбнулся Зверев, запалил обе лампы по сторонам от бюро, уселся в кресло, налил себе рюмочку, откинулся на спинку, пригубил, почмокал губами: – Токайское... Какой я

молодец. Мудрый, предусмотрительный хомячок.

Он мелкими глотками осушил рюмку и налил себе еще.

Что еще делать темной ночной порой? Книг нет, грамот и писем никто сюда пока не присылал, телевизоры и компьютеры остались в далеком будущем. Хозяйственными хлопотами во мраке тоже не займешься. И остается лишь потягивать вино и ждать, пока светелка с уютным наименованием «опочивальня» станет наконец хоть немного пригодна для жизни.

- Не в шкуру же походную мне на перине заворачиваться, в самом деле? - вслух возмутился он и выпил вторую рюмку.

В дверь постучали.

- Заходи, не сплю! - громко разрешил князь.

Дверь приоткрылась, внутрь скользнула Варя, поклонилась:

- Прости, княже, за беспокойство. Мне-то ты светелку отвести запомнил. Не могу же я с мужчинами в одной горнице спать, срамно.

- Иди сюда, - подозвал ее Зверев и снова налил вина. - Попробуй угощения заморского. Это тебе не немецкая дешевка, от османов привезено. Они хоть и басурмане, а тонкие вкусы ценят.

Женщина взяла бокал, медленно втянула его в себя, вежливо кивнула:

- И правда, вкусно. Так как насчет светелки для меня, княже?

- Ты это сейчас для кого говоришь, для меня или для себя? - поинтересовался Андрей. - Дом весь холодный, только протапливать начали. Даже у меня здесь - и то только-только пар изо рта идти перестал. Я слишком устал для игр и недомолвок. Садись ко мне на колени, доставай графин. Как вино кончится, глядишь и нам теплее будет, и комнате, и одеялу у печи. Вот тогда и ляжем.

* * *

Колокола церковей еще звенели, созывая москвичей к заутрене, когда князь Сакульский спешил к расписным воротам дворца боярина Кошкина. Выстеленная дубовыми плашками улица была дочиста выметена, тын сверкал свежими красками, надвратная икона сияла позолоченным окладом. А может, и золотым – с дьяка Разбойного приказа станется, серебра у него в мошне теперь без счета.

Рукоятью плети Зверев постучал в тяжелые створки, а когда незнакомый подворник высунулся наружу, небрежно бросил ему поводья:

– Князь Сакульский побратима своего боярина Кошкина проведать желает. Беги, хозяина упреди, дабы врасплох не застать...

Волшебное слово «побратим» заставило холопа немедленно распахнуть воротину и принять коня. Андрей перекрестился на икону, вошел на мощный плашками двор, огляделся, давая слугам время сбегать к хозяину, а самому боярину приготовиться встретить гостя.

Подворье, хоть и осталось столь же маленьким, сколь и двадцать лет назад, заметно расцвело. Все амбары и сараи сделались двухэтажными, дом подрос на два ряда окон и стал, как ныне говорили, «в три жилья», над хлевом появился обширный сеновал. Все было свежевыкрашено, вычищено, по возможности украшено резными наличниками, столбиками, коньками.

Разбогател боярин Кошкин, разбогател. А ведь когда новик Андрей Лисьин впервые попал на этот двор, он мало отличался от обычного крестьянского двора. Единственное удобство – внутри московских стен подворье находилось. Потому и являлось пристанищем для боярской братчины. Товарищи по военным походам, чьи имения разбросаны по всей Руси, приезжая по осени, после сбора урожая, в столицу, продавали часть урожая, получали из казны жалованье за службу, а заодно, пользуясь случаем, собирались вместе, скидывались ячменем и хмелем в общий кошт, варили пиво, да сами же его и пили, веселясь и общаясь.

Именно объемная, изрядно помятая и потертая пивная братчина, а не кровное родство, делали просто друзей побратимами, готовыми в любой момент

выручить друг друга, поддержать в местнических спорах, посодействовать при определении на воеводство или еще какое кормление.

Обычай хмельного побратимства, древний, как сама Русь, соединял так много сдружившихся бояр, что даже превратился в закон, запрещающий судам и воеводам вмешиваться в споры меж побратимами. Братств, подобных кошкинскому, было много, в разных городах и княжествах. Но именно сюда отец привел пятнадцать лет назад Андрея, и именно эти хмельные бояре, поверив вещему сну новика, помчались спасать от покушения совсем еще юного тогда царя Иоанна. И спасли. Да так решительно, что предателей из рода Шереметевых и близко к государю больше не подпускали, и вскорости женили его на племяннице боярина Кошкина. Он, знамо, после этого карьеру сделал стремительную и власти обрел немало. Из неведомых бояр – да в дьяки Разбойного приказа! Такому росту любой позавидует. Он бы, может, и князем уже заделался – да на родовитость царская власть не распространялась. Предков указом не назначишь.

К чести боярина Кошкина, от богатства и власти своих он не зазнался и для всех членов прежнего нищего побратимства ворота его подворья всегда оставались открыты. Не гнушался он с ними и обняться, и за общий стол сесть, и старую мятую братчину осушить. Кто поближе жил – тех на службу при дворе пристроил, в царские рынды али в тысячу избранную. Кто далече – тех гостеприимством одаривал. Ну и помогал, коли надобность в том случалась. А для чего еще побратимы нужны, как не для этого?

– Проходи, княже, милости просим во дворец боярский, – отводя скакуна, указал на крыльцо подворник. – Почивать изволит хозяин. Однако же гостей привечать велено.

Андрей кивнул, поднялся по ступеням, прикидывая в уме, какое сегодня может быть число. По его расчетам, до Крещения оставалось еще никак не менее двух дней. Коли так, то Иван Кошкин на службу должен ныне собираться. Дьяк он или не дьяк? Это для крестьян половина зимы – безделье. Царским же слугам в любое время дело найдется.

Однако за время путешествий из края в край заснеженной Руси Зверев вполне мог сбиться со счета. И коли он попал в Москву аккурат к Крещению... В честь великого господского праздника во всей столице минимум на неделю жизнь остановится. Все гулять станут, купаться и веселиться. Истоиво верующий

государь на хлопоты одного из подданных в такие дни не отвлечется.

В сенях к Андрею подскочил мальчишка лет десяти, в длинной, до колен, косоворотке – мало того, что атласной, так еще и с вышивкой по вороту и подолу, в сверкающих красных сапогах. Видать, жизнь холопья в доме дьяка Кошкина таковой была, иным помещикам завидовать впору.

– Дозволь в трапезную проводить, боярин, – низко, но с какой-то залихватской удалью поклонился и тут же выпрямился слуга. – Откушай с дороги, чего Бог послал, выпей за здоровье...

– Князь! – резко поправил его Андрей. – Князь, а не боярин! С гостеприимством и хлебосольством хозяина твоего я знаком, но в том ныне не нуждаюсь! Скажи лучше, отчего дьяк Иван Юрьевич на службу не спешит? Нечто праздный день сегодня, а я про то не ведаю?

– Припозднился вечер боярин наш, – со снисходительной усмешкой пояснил холоп. – Велел не беспокоить. Весь в трудах праведных кормилец наш, в кои веки отдохнуть соизволил.

– Звать тебя как, пустобрех? – Поведение слуги Звереву нравилось все меньше и меньше. Ровно не с князем тот разговаривал, а с попрошайкой уличным. – Давно при доме?

– Годиславом крестили, княже... – Улыбка мальчишки исчезла. Безошибочный инстинкт прирожденной дворняги подсказал ему, что ссора с гостем может оказаться крайне неприятной по последствиям. – Не велел боярин беспокоить. Пока сам не проснется, тревожить не велел.

– Ну, долго он бока отлеживать не станет, – прикинул Андрей. – Слушай меня внимательно, Годислав. Как боярин глаза откроет, так немедля ему скажи, что я поутру наведалься. Коли не встретил, пусть теперь сам меня навещает. До полудня не появится, опечалюсь.

– Нехорошо получается, княже, – льстиво заюлил мальчишка. – Дом навестить, да хоть чаши медовой не выпить, хлеба не переломить. Обидишь боярина нашего. Иван Юрьевич всякого гостя привечать велел, каждого в трапезную привести, накормить, напоить досыта. Не побрезгуй столом нашим, княже, не

повертай с порога.

Зверев несколько секунд колебался, потом согласно кивнул. Не столько из желания угоститься, сколько из жалости к скакуну. Только расседлали – и вдруг опять взнуздывать начнут. Пусть отдохнет немного.

– Я провожу... – Чутье Годислава находилось, похоже, на уровне телепатии.

– Не нужно, я тут не впервые, – отмахнулся Зверев. – Глянь лучше, не поднялся ли боярин. Коли человек вставать рано привык, он и отдыхая засветло подымется.

– О чем доложить Иван Юрьевичу? – осторожно поинтересовался холоп.

– Скажи, князь Сакульский его дожидается.

Мальчишка, кивнув, шмыгнул вверх по лестнице, Андрей же знакомым путем дошел до трапезной, спустился в широкий зал. Здесь было непривычно чисто и тихо. Обычно князь навещал это место во время пиров братчины – когда столы ломились от яств, напитков и хмеля, когда гости шумно предавались воспоминаниям, спорили, обсуждали планы. А иные, устав, засыпали прямо здесь, на лавках и полатах у стены, чтобы потом, проснувшись, снова включиться в общий пир. Теперь же случайных гостей дожидались лишь чаши с квашеной капустой, солеными грибами, мочеными яблоками да еще несколько закрытых крышками горшков. Видимо, с кашей. В кувшинах, судя по запаху, доходил до кондиции квас из репы.

Есть Андрею не хотелось – но пару моченых яблок он все же прихватил, прошел вдоль стола, налил в глиняную кружку пенного светло-желтого кваса, двинулся дальше и уселся во главе стола. На этом краю было пусто. Дворня не предполагала, что кто-то из пришедших посмеет занять почетное место.

Промочив горло, Зверев не спеша съел яблоки, допил квас. Покачался на стуле, пару раз зевнул, хорошенько потянулся. Снова прошелся вдоль стола и вернулся назад еще с парой яблок. Умял и их, после чего поднялся, решив, что ждал вполне достаточно. Вот тут-то в коридоре и слышались тяжелые шаги...

– А-а, и правда ты, побратим... – Иван Юрьевич широко и сладко зевнул и снял ладонь с головы мальчишки: – Вина и ветчины принеси, Годислав. Негоже почетного гостя квасом и репой привечать. Беги...

Прежде чем холоп сорвался с места, боярин успел отвесить ему подзатыльник, но никакой злости в этом не было. Даже некоторое поощрение.

– Видал, какой пострел? – подмигнул Андрею дьяк Кошкин, прошел во главу стола, прихватив по дороге кувшин с квасом, и плюхнулся рядом с гостем. Жадно отпив через край несколько больших глотков, снова сладко зевнул: – Здрав будь, друже... Быстро же ты обернулся, однако.

– Ты о чем? – искренне удивился Андрей. – Али привиделось что? Ох, не надо было будить. Не велел я ничего такого! Спал бы и спал, пока не надоест. Опосля бы увиделись.

– Да ладно, – отмахнулся боярин Кошкин, снова широко зевнув. – Ну, рассказывай, друже. Откель узнал столь скоро, чего испросить для него желаешь?

– Для кого? – не понял Зверев.

– Для князя Михайло Воротынского, само собой, – пожал плечами дьяк Разбойного приказа. – Ты же из-за него пришел.

Это был не вопрос, а утверждение, и Андрей насторожился:

– А что с князем?

– В ссылку отправлен ноне, за измену и заговор супротив государя.

– Не может быть!

– Отчего не может? – вскинул брови Иван Юрьевич. – Сам признался. И в заговоре, и в желании престол занять. И каяться, хочу заметить, отказался.

– Не может быть! – мотнул головой Зверев. – Он же!.. Как Иоанн при смерти лежал, никто из бояр родовитых, кроме Михайло Воротынского, на сторону царя

не встал, ты помнишь? Сражался завсегда храбро, меня из новиков в бояре по его поручительству записали. Не мог он изменить! Никак не мог! Его, наверное, пытали? Точно пытали! На дыбе, да еще под железом каленым еще и не в том признаешься!

– Окстись, Андрей Васильевич! – отмахнулся дьяк. – В уме ли ты, друже? Михайло Воротынский род свой напрямую от Рюрика ведет, князь одной из трех ветвей знатнейших! Коли, не приведи Господь, с государем и братом его князем Старицким беда случится, Воротынские на стол царский права свои заявят. Кто же человека такого на дыбу тащить посмеет?

– И то верно, это да... – Зверев понял, что сильно погорячился. – Прости, Иван Юрьевич. Это я в детстве Солженицына перечитался. Глупость сморозил.

– Ну, без дыбы в следствии моем не обошлось, – покаялся и боярин Кошкин. – Смердов иных и холопов с пристрастием расспросить понадобилось. Тех, кои письма и вести изустные меж заговорщиков носили.

– Курбский? – тут же предположил Андрей.

– Тебе, княже, нечто тайное ведомо? – наострил уши побратим.

– Урод, предатель и подонок, – кратко и с чувством охарактеризовал самого известного русского Иуду Зверев.

– Откель ведаешь? – жадно облизнул губы дьяк и даже качнулся вперед.

– Он скоро государю изменит и польские войска на Русь водить начнет, землю нашу разорять, людей православных на куски резать и в полон угонять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Примечания

1

1560 от Рождества Христова.

2

Младший брат Иоанна IV был глухонемым от рождения и, вероятно, слабоумным, а потому следа в истории практически не оставил.

3

Черный мор?– это чума.

4

Говоря современным языком, крепостной?– это человек, работающий на условиях договора земельной аренды. «Арендодатель» не может с него требовать ничего, кроме оплаты земельной аренды (барщины, оброка).

5

Случаи, когда совсем молодых мальчишек женили на взрослых девках ради того, чтобы получить для хозяйства лишние рабочие руки, нередко случались в крестьянской среде.

6

Тут нужно еще раз отметить, что крепостная зависимость к рабству не имеет никакого отношения и обуславливается договором земельной аренды. Крепостной не имел права бросить хозяина, пока не выплатит ему плату за использование земельного надела и не вернет долг, если получал «подъемные». И?все. Даже после Соборного Уложения 1649 года попытки помещиков относиться к крепостным, как к рабам, карались каторгой. Достаточно вспомнить судьбу знаменитой Салтычихи.

7

Поскольку в наш механический век возникают самые фантастические слухи о скорости передвижения конницы, приведу короткую ссылку на наставление РККА: «При организации марша и определении скорости движения надлежит исходить из следующих норм. Полк может непрерывно двигаться 7–8 часов в сутки. Нормальный переход установлен в 50 км. Через каждые 2–3 дня движения устраивается днёвка. Максимум, что конница может дать с полным напряжением сил конского состава, это два марша подряд по 100 км, но после этих маршей коннице нужен полный отдых не менее 2 суток».

Купить: https://tellnovel.com/ru/prozorov_aleksandr/udar-zmei

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)